

I.

Различныя вѣдѣнія о происхожденіи фамиліи Могилъ.—Близжайшіе предки и родственники цигроковита Петра Могилы.—Точнее опредѣленіе времени его рожденія.—Свѣдѣнія о первоначальныхъ годахъ жизни: школьное воспитаніе, вліяніе на міросозерцаніе домашней среды.—Причины, побудившія П. Могилу и его родственниковъ переселиться въ Польшу.—Отношеніе Могилы къ канцлеру Станиславу Жолѣвскому.—Участіе въ Хотинской битвѣ.—Тяготѣніе къ Києву.

Въ XVI и XVII столѣтіяхъ древность и знатность фамиліи (*starożytność i rodowitość*, какъ выражались поляки) были весьма цѣнными качествами въ глазахъ западно-европейскаго дворянства, польской шляхты и литовско-русской аристократіи. Поэтому всѣ знатныя лица того времени любили возводить начало своей родословной—часто вопреки здравому смыслу и исторіи—ко временамъ самымъ отдаленнымъ, — ко временамъ римской имперіи, Александра Македонскаго, Ноя, Авраама и даже Адама. Подобное же стремленіе мы замѣчаемъ и въ фамиліи Могилъ. Изъ дошедшихъ до нашего времени польскихъ гербовниковъ, писанныхъ главнымъ образомъ съ цѣлію льстить честолюбію знати, и изъ книгъ, посвященныхъ Петру Могилѣ, мы узнаемъ, что означенная фамилія считала прямымъ своимъ ро-

дона начальникомъ *Муція Сцевола*¹⁾, потомки котораго будто бы изъ Рима перешли въ Грецію, а отсюда въ молдо-влахійскія земли (родину Могилъ), гдѣ окончательно и поселились. Семейный гербъ Могилъ—двѣ обнаженныя, крестообразно сложенныя сабли,—по завѣренію Окольскаго²⁾, есть видоизмѣненный клейнодъ Муціевъ, имѣвшихъ гербовою эмблемою двѣ булавы. Родовое же свое названіе Могилы приобрѣли славными рыцарскими подвигами, „bo ieden z nich (изъ сей фамилии), wielki woiewnik, brzegi Dunaju gęstemi *mohilami* trupów nieprzyjacielskich obsypał³⁾“. Нѣсколько правдоподобнѣе другое преданіе о родоначальникѣ Могилъ, относящее возвышеніе сей фамилии къ послѣдней четверти XV

¹⁾ Orbis Polonus. S. Okolskiego, изд. 1641 г., въ Краковѣ. II. 229. Herbarz Polski. K. Niesieckiego, wyd. Bobrowicza. VI. 448—449. Изъ посвященныхъ Петру Могилѣ книгъ, гдѣ начало его родословной возводится къ Муцію Сцеволѣ, особенно замѣчательнъ панегирикъ, подъ заглавіемъ: *Eucharystiarum albo wdłność*, изд. 1632 г., въ Кіевѣ. Въ этомъ панегирикѣ, поднесенномъ Могилѣ студентами основаннаго имъ гимназіума, изображены двѣ горы—Геликонъ и Парнасъ. На первой представленъ стоящимъ въ архимандричьемъ облаченіи самъ Могила, а на второй—его родоначальникъ *Муцій Сцевола*. Онъ въ римской одеждѣ, въ шлемѣ и съ мечемъ; правая его рука въ огнѣ, а лице обращено къ небу, откуда двѣ руки изъ облаковъ подаютъ ему крестъ, скипетръ и корону. — (Цекарскій въ статьѣ—„Представители кіевской учености въ XVII в.“—говорить, что извѣстенъ только одинъ экземпляръ *Eucharystiarum*, именно въ библіотекѣ Академіи наукъ; мы можемъ указать на другой и притомъ весьма хорошо сохранившійся экземпляръ этой брошюры, находящійся въ музеѣ при Кіевской Дух. Академіи, подъ № 111. 4. 1).

²⁾ Orb. Polonus. II. 229.

³⁾ Herbarz Niesieckiego. VI. 449.

столѣтія. Преданіе это у Палаузова, извлечшаго его изъ молдо-влахійскихъ хроникъ, передается въ слѣдующемъ видѣ. Во время битвы между венгерскими и молдавскими войсками, бывшей 6 марта 1486 года, подъ воеводою Стефаномъ IV, лично участвовавшимъ въ сраженіи, была убита лошадь. Герольдъ Пуригъ, находившійся все время вблизи воеводы, первый предложилъ ему своего коня и, желая облегчить сѣсть на него (Стефанъ былъ невысокаго роста), сталъ на колѣно, говоря: „Позвольте, государь, служить мнѣ вамъ вмѣсто горки“. Стефанъ, ставши одною ногою на колѣно Пурига и вскочивъ на коня, отвѣтилъ своему герольду: „изъ горки я сдѣлаю тебя холмомъ (*могилою*)“.—Во время битвы Пуригъ ни на шагъ не отставалъ отъ своего господина. Ему удалось сразиться съ самимъ вождемъ венгерскаго войска Краіутомъ, убить его и принести голову Стефану. Возвратившись въ Сучаву, воевода призвалъ Пурига и въ присутствіи всего своего двора сказалъ ему: „Ты временно былъ для меня *горкою*, я возвышаю тебя въ *могилу* (т. е. холмъ) и *отнынь ты будешь называться этимъ именемъ*. Во время битвы ты отдалъ мнѣ своего коня, я вознаграждаю тебя за это пятью вотчинами. Ты принесть мнѣ голову Краіута, я поздравляю тебя съ должностію великаго армаша⁴⁾ и даю тебѣ въ замужество

⁴⁾ *Великій армашъ* былъ начальникомъ надъ лекторами или армашами, число которыхъ обыкновенно достигало до 60 человекъ. Обязанность его состояла главнымъ образомъ въ наблюденіи за исполненіемъ господарскихъ указовъ относительно лицъ, осужденныхъ на смертную казнь. Его вѣдѣнію также подлежали *тюремные замки и военная*

дочь парколаба (коменданта) румынскаго, котораго убили венгерцы^{4 5)}.

Отъ конца XV столѣтія имѣются уже вполне историческія свидѣтельства о фамиліи Могилъ, хотя и крайне отрывочныя. Первое изъ таковыхъ свидѣтельствъ относится къ 1499 г. Подъ грамотою, данною въ этомъ году молдавскимъ воеводою Стефаномъ пану Думъ Брудулъ на селеніе *Цнещје* и четвертую часть озера *Лозова*, между подписями знатныхъ лицъ, бывшихъ при дачѣ документа, находится и подпись *пана Мохилы чашника*⁶⁾. Подъ грамотою 1513 года, данною молдавскимъ воеводою Богданомъ хотинскому парколабу Гринковичу на два селенія, тоже находится подпись одного изъ фамиліи *Могилъ*⁷⁾. Около 1534 года, во время смуть,

музыка, извѣстная подъ названіемъ „табульканы“ (Tabulchana). Должность великаго армана считалась весьма важною, — принадлежала „къ должностямъ первокласснымъ“.

⁵⁾ Румынскія государства Молдавія и Валахія въ историко-политическомъ отношеніи. *Палаузова*. изд. 1859 г. Спб. стр. 79. — *Иоанкъ Некулча* въ предисловіи къ своей лѣтописи (Letopisetulŭ tereŭ Moldovei...), перечисляя источники, которыми онъ пользовался при своемъ трудѣ, — упрекаетъ *Мирона Костина* за то, что онъ въ своей лѣтописи о многихъ событіяхъ въ землѣ молдо-влахійской умолчалъ, считая ихъ баснями. Но — заявляетъ Некулча — рассказъ о *Думбровѣ ршнѣ* (красной думбровѣ), которую выоралъ Богданъ поляками, — едва ли можно считать баснею; *нельзя также считать баснею преданіе о родѣ Могилъ — о томъ, по какому случаю дано имъ это названіе воеводою Стефаномъ*.

⁶⁾ *Chronica Romanului și a episcopiei de Romanu. Compusa dupre documente nationali — romane și streine, editate și inedite de Episcopulŭ Dunăreŭ-de-josŭ Melchisedek*. Rucuresci 1874. Partea anteea, стр. 159.

⁷⁾ *B. Petriceicu Hajdѣu*. Archiva istorică a României. tom. 1. par. 2, № 315.

бывшихъ въ молдо-влахійскихъ земляхъ, въ числѣ трехъ претендентовъ на валахскій престолъ мы видимъ *Моисея Могилу*, поддерживаемаго трансильванскимъ воеводою Стефаномъ Майлотомъ⁸⁾. Отъ 1546, 1548, 1552, 1553 и 1559 гг. встрѣчаемъ завѣрительныя поды документами подписи *Въскала Могилы*, сначала въ званіи хотинскаго парколаба⁹⁾, а потомъ — оостельника при воеводѣ¹⁰⁾. Около этого же времени выступаетъ одинъ изъ фамиліи Могилъ *Іоаннъ* въ должности высшаго государственнаго сановника въ Молдавіи—*лагофета*¹¹⁾. Это былъ дѣдъ Петра Могилы. По свидѣтельству памятниковъ, онъ отличался большими воинскими способностями и пользовался особеннымъ расположеніемъ господаря Александра, который поручилъ ему управление цѣлымъ воеводствомъ и отдалъ въ замужество родную свою сестру Марію¹²⁾. Такое приближеніе Іоанна ко владѣтельному дому упрочило значеніе его фамиліи. Связей съ Могилами стали искать самыя вліятельныя лица даже въ сосѣднихъ государствахъ; а для

⁸⁾ Magazinul istoricu pentru Dacia suptu redactia lui A. T. Laurianu, professor de Filosofie in Colegiul national, și Nicol. Balcescu. Bucuresci 1846 г. III. 195—196.

⁹⁾ Archiva istorică. tom 1. par. 1. № 16. Chronica Romanului, стр. 172 и 180.

¹⁰⁾ Archiva istorică. tom. 1. par 1. № 115. tom. II. 1. № 288.

¹¹⁾ Ibid. tom. I. par. 1. № 155.

¹²⁾ *Niesieckiego*, Herbarz. VI. 449. *Okolskiego*, Orbis Polonus. II. 225. Мнѣнія митроп. *Евгенія* (Опис. Кіево-Соф. Собора, изд. 1825 г, стр. 166); *Аскоменскаго* (Кіевъ съ древн. училищемъ—Академією, т. 1. стр. 108) и нѣкоторыхъ другихъ, считавшихъ дѣда П. Могилы *волжскимъ княземъ или воеводою*,—неверны.

сыновей Иоанна открылась блестящая карьера. Старший изъ нихъ, *Иеремія*, былъ довольно долго господаремъ молдавскимъ¹³⁾; второй, Георгій, молдавскимъ митрополитомъ¹⁴⁾; а третій, Симеонъ, сначала хотинскимъ парколабомъ и полководцемъ¹⁵⁾, потомъ около года воеводою воложскимъ¹⁶⁾. Нашъ знаменитый митрополитъ былъ однимъ изъ пятирехъ сыновей послѣдняго¹⁷⁾.

Время рожденія Петра Могилы обыкновенно всѣми его биографами относится къ 1597 году¹⁸⁾. Намъ кажется, что это не совсѣмъ точно. Въ дошедшихъ до насъ панегирикахъ, поднесенныхъ Петру Могилѣ въ день его именинъ, говорится, что

¹³⁾ Иеремія Могила былъ молдавскимъ воеводою съ 1595 по 1606 г., хотя вѣлѣдствіе политическихъ смугъ и непостоянно: въ 1602 году на господарскомъ престолѣ Молдавіи мы видимъ Стефана Томзу.

¹⁴⁾ Былъ митрополитомъ въ 1587—1589 гг.—Извѣстенъ въ исторіи какъ сторонникъ религіозной унии съ Римомъ. (См. Herbarz *Niebieskiego* VI.450; *Monumenta Poloniae et Lithuaniae*, Тейнера. т. III. №LII; *Голубинскаго*, Краткій очеркъ исторіи правосл. церкви Болгарской, Сербской и Румынской. стр. 379).

¹⁵⁾ См. прилож. № XIX, стр. 155.

¹⁶⁾ Симеонъ Могила былъ господаремъ Валахіи съ конца 1601 г., а Молдавіи съ 1607 г. до своей смерти, послѣдовавшей въ слѣдующемъ году.

¹⁷⁾ Нѣкоторые считаютъ отцемъ П. Могилы *Иеремію* (*Mociejowski*. *Pisnien. Polskie*, III. 841) и даже *Иоанна* (Описан. Кіево-печ. Лавры, изд. 1847 г., стр. 142). Все это можетъ свидѣтельствовать только о крайней неопредѣленности свѣдѣній въ литературѣ о нашемъ митрополитѣ. Замѣтимъ здѣсь, что самъ Петръ Могила въ собственноручныхъ запискахъ называетъ *Иоанна* своимъ дѣдомъ, а *Иеремію* — стріемъ (дядею). Что касается до братьевъ Могилы, то они у Нѣсецкаго перечисляются въ слѣдующемъ порядкѣ: *Михаиль, Гавріиль, нашъ митрополитъ Петръ, Іоаннъ и Моисей*.

¹⁸⁾ Митрон. *Евгеній, Асмоленскій, Закревскій, Костомаровъ* и др.

онъ родился не задолго до праздника Рождества Христова, именно 21 декабря, въ день памяти кievскаго митрополита св. Петра, въ честь котораго ему и дано имя¹⁹⁾. А между тѣмъ Герличъ, на сви-

¹⁹⁾ Нѣсколько панегириковъ, поднесенныхъ Петру Могила въ день его именинъ, а также въ праздникъ Рождества Христова, находятся въ библиотекѣ при Киево-Софійскомъ соборѣ, гдѣ они переплетены въ одну книгу съ нѣкоторыми другими старопечатными брошюрами. По своей напыщенности и витиеватости особенно замѣчательны — „Felix cometa post natalem diem Illustrissimi Domini et Reverendissimi Patris D. Petri Mohilae Archip. Mitropolitae Kijoviensis“... et caet. изд. 1633 г., и *панегирикъ на польскомъ и латинскомъ языкахъ*, безъ начальныхъ листовъ. Въ этихъ панегирикахъ, между прочимъ, говорится, что комета, явившаяся предъ Рождествомъ Христовымъ и спустя несколько дней послѣ рожденія П. Могилы есть истинный благоприятный вѣстникъ счастья. Объяснивши въ чемъ заключается это счастье, панегиристы задаются такимъ вопросомъ — „почему рожденіе восхваляемаго ими митрополита случилось не въ одинъ день съ Рождествомъ Спасителя, а нѣсколько прежде?“ — и рѣшаютъ его слѣдующимъ образомъ: „Петръ Могила долженъ былъ бы родиться въ одинъ день со Христомъ; но самыя свѣтила своими рукоплесканіямъ не могли удовлетворить обонхъ вмѣстѣ. Земля не въ состояніи была достаточно дивиться двумъ великимъ чудамъ природы. Небеса не пожелали слить воедино двойной радости; они раздѣлили ее на нѣсколько дней и опредѣлили Петру родиться прежде Христа, чтобы, испытавши и одобриши свои гимны на первомъ, пропѣть ихъ второму; опредѣлили однако такъ, что Петръ долженъ былъ родиться не задолго до Рождества Христова, дабы Петръ и Христосъ могли принять небесныя, приличныя каждому рукоплесканія“. — *Точное опредѣленіе времени* (собственно дня) рожденія П. Могилы находится въ панегирикѣ, изд. въ 1645 г., подъ заглавіемъ: Sancti Petri Mitropolitae Thaumaturgi Rossiae, Illustrissimus Pater D. Petrus Mohila, Archiepiscopus Mitropolitatus Kiioviensis, Haliciensis et universae Rossiae s. sedis Apostolicae Constan. exarha, Archimandrita Pieczariensis et caet..., Patroni sui iconismus sibi ipsi in die patronalis obitus, sua vero Natalia praesentatus ab humili P. Feodosio Wasilewicz Baewski, ord. s. Basilii. Въ этомъ панегирикѣ, между прочимъ, говорится, что Петръ Могила:

дѣтельство котораго обыкновенно принято опираться при опредѣленіи времени рожденія Могилы, говорить, что нашъ митрополитъ жилъ *на свѣтъ полныя пятьдесятъ лѣтъ*²⁰⁾. Такъ какъ смерть Петра Могилы случилась въ ночь на 1 е генваря 1647 г., то—на основаніи сказаннаго нами—время его рожденія должно быть отодвинуто къ 21 декабря 1596 года.

Несравненно важнѣе точнаго опредѣленія времени рожденія рѣшеніе другихъ вопросовъ, естественно возникающихъ при желаніи ближе познакомиться съ замѣчательною личностію Петра Могилы,—именно, какъ былъ проведенъ имъ юношескій возрастъ, гдѣ онъ воспитывался, какое получилъ образованіе? Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ почти никакихъ положительныхъ свѣдѣній о первоначальныхъ (школьныхъ) годахъ жизни нашего митрополита. Въ дошедшихъ до насъ памятникахъ того времени можно найти не болѣе двухъ-трехъ мѣстъ, гдѣ находятся, и то весьма слабыя, намеки относительно

Illo die natus, quo suus obiit Patronus Petrus,

Quia ei suam legavit testamento vitam,

Et ubi ille definit.

Felici avspicio incipit vivere Mohila,

Ne Petrus defit Terrae et maxime

Rossiae.

Qui multos ante annos mortuus; nascente Petro

Mohila in eo Renatus,

Ut in vero suo iconismo viveret,

Ubi magis quam hic,

Iustus contractus coeli, cum aequalia dividit lumina

Sibi et Terrae aequiparenter... и проч.

²⁰⁾ Latopisiec Ierlicza, wyd. Wysockiego. S. Peter. 1859. I. 59.

дальнѣе предмета. Такъ, самъ Петръ Могила въ своемъ духовномъ завѣщаніи говорить, что онъ „родился и воспитывался въ вѣрѣ святой (православной), въ которой желаетъ предстать предъ величіе Божіе ²¹⁾“; панегиристы, испѣвавшіе дѣянія митрополита, заявляли, что онъ еще въ отрочествѣ обнаруживалъ особенную любовь къ наукамъ, которая съ годами все болѣе росла и увеличивалась ²²⁾; Смотрицкій прибавляетъ къ этому о занятіяхъ Могилы въ молодости языками латинскимъ и греческимъ ²³⁾. Подобною же скудностію и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленностію свѣдѣній о первоначальной жизни Могилы отличаются и біографическіе о немъ очерки. Такъ, по сказанію однихъ біографовъ, онъ обучался греческому и латинскому языкамъ *неизвѣстно въ какихъ училищахъ* ²⁴⁾; другіе говорятъ, что онъ отправленъ былъ отцемъ для образованія *въ парижскій и прочіе иносн ранніе университеты* ²⁵⁾; третьи, наконецъ, счи-

²¹⁾ Памятники, изд. времен. кievск. ком., 1846 г. II. № XII.

²²⁾ Въ упомянутомъ нами панегирикѣ Басевскаго, подіессениемъ П. Могила въ день его ангела, объ отроческихъ годахъ митрополита говорится слѣдующее: „Inde in puero (si mihi tantum verum saltim fuisse Puerum licet dicere) maximus literarum in eo aestuabat amor.— 1-mo infans adhuc fortè (infantem etiam in natali liceat nominare die) à nutricis ubere pendulus, literis dare videbatur operam.

Fortè pro Puerili, crepituculi delicio,
Pro pomis et pilis; libellos gestitabat manibus.
Et quo magis crescebat aetas,
Eo majus cum aetate studii desiderium“...

²³⁾ Письмо Смотрицкаго къ Рутскому, напеч. въ приложеніи ко II тому Литов. церк. униі М. О. Колюшима.

²⁴⁾ Кіевъ съ древн. училищемъ—Академією. В. Асоченскаго. I. 108.

²⁵⁾ Кіевскій кат. митрополитовъ; Encyklopedya powszechna. XVIII. 746.

твуютъ мѣстомъ воспитанія **Могилы львовскую братскую школу** ²⁶⁾.

Мы не знаемъ откуда заимствованы два послѣднія извѣстiя о мѣстѣ образованiя П. Могилы; въ дошедшихъ до нашего времени современныхъ памятникахъ, какъ мы замѣтили, относительно этого нѣтъ прямыхъ указанiй. Тѣмъ не менѣе, намъ кажется, что оба означенныя извѣстiя имѣютъ много данныхъ въ пользу своей достовѣрности и при этомъ другъ друга не исключаютъ.

Городъ Львовъ, по своему географическому положенiю, находился не въ далекомъ разстоянiи отъ молдо-влахiйскихъ земель. Поэтому православное львовское братство, очень часто нуждавшееся въ матеріальныхъ средствахъ, не рѣдко обращалось къ единовѣрнымъ господарямъ сихъ земель съ просьбами о денежныхъ пособiяхъ и почти всегда получало ихъ ²⁷⁾. Но никому изъ владѣтельныхъ лицъ братство не было такъ много обязано, какъ фамилиі Могилъ, занимавшей, какъ мы видѣли, въ концѣ XVI и началѣ XVII стол. господарскіе престолы Молдавіи и Валахiи. Дядя П. Могилы Иеремія, еще будучи маршалкомъ земли молдавской, посылалъ денежное вспомошествованіе львовскому братству и изъявлялъ готовность, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, оказывать матеріальную поддержку въ добрыхъ начинанiяхъ братчиковъ и на будущее время ²⁸⁾. Сдѣлавшись молдавскимъ госпо-

²⁶⁾ Опис. Кіево-Соф. соб. 160.

²⁷⁾ А. Ю. и З. Р. № т. I. 133.

²⁸⁾ Приход-расход. тетради львов. братства за 1560 г. — Сраз. Лѣтописъ львов. братства, составл. *Зубрицькимъ* (помѣщ. въ Ж. М. Н. Пресв. за 1849 г.) подъ означеннымъ годомъ.

даремъ, Іеремія свято исполняли свое обѣщаніе. Великолѣпная церковь Успенія Пресвятой Богородицы, начатая львовскимъ братствомъ постройкою въ 1591 г., воздвигалась на первыхъ порахъ почти исключительно на его средства, а впоследствии (послѣ смерти Іереміи) на средства его фамиліи. Такъ Іеремія оказалъ братству значительное денежное пособіе въ 1593 г.²⁹⁾; два раза присылалъ по *пятисотъ* червонцевъ и одинъ разъ *тысячу* золотыхъ польскихъ въ 1598 г.³⁰⁾; *пятьсотъ* червонцевъ угорскихъ и *тысячу* золотыхъ польскихъ въ 1599 г.³¹⁾; *тысячу* золотыхъ польскихъ въ 1601 г.³²⁾; *пятьсотъ* золотыхъ польскихъ въ 1602 г.³³⁾; *тысячу* золотыхъ польскихъ въ 1603 г.³⁴⁾; такую же сумму въ 1604 г.^{35*)}; *два тысячи* золотыхъ въ 1605 г.³⁵⁾ и *тысячу пятьсотъ* золотыхъ въ 1606 г.³⁶⁾. Кромѣ денежныхъ пособій Іеремія оказывалъ львовскому братству и другаго рода услуги; такъ, напр., находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ Сигизмундомъ III и очень многими вліятельными польскими магнатами, онъ, не смотря на господство въ то время при королевскомъ дворѣ ультра—католической партіи, не разъ защищалъ передъ королемъ интересы львовскихъ братчиковъ и выпрашивалъ у него привиллегіи, ограждавшія братство отъ притѣсненій со стороны

²⁹⁾ Лѣтон. львов. братства, подл 1593 г.

³⁰⁾ Прилож. № XIX, 1 и 3. А. Ю. и З. Р. т. I. № 222. I—II.

³¹⁾ Прилож. № XIX, 4. А. Ю. и З. Р. т. I. № 222. III—V.

³²⁾ Прилож. № XIX, 6. А. Ю. и З. Р. т. I. № 222. IX.

³³⁾ Прилож. № XIX, 8. А. Ю. и З. Р. т. I. № 222. XI.

³⁴⁾ А. Ю. и З. Р. № 222. XII.

^{35*)} А. Ю. и З. Р. № 222. XV.

³⁵⁾ Прилож. № XIX, 10. А. Ю. и З. Р. т. I. № 222. XVII.

³⁶⁾ Прилож. № XIX, 11.

поляков.³⁷⁾ Известно также, что неприязненные отношенія между братствомъ и львовскимъ епископомъ Гедеономъ, причинившія много вреда обѣимъ враждующимъ сторонамъ и служившія большимъ соблазномъ для православныхъ, были прекращены при живомъ участіи Іереміи.³⁸⁾ Въ подобныхъ же дружественныхъ отношеніяхъ къ братству стояли и другіе члены изъ фамиліи Могиля. Отецъ Петра Могилы Семеонъ, будучи гетманомъ и парколабомъ хотинскимъ, поощрялъ брата своего Іеремію къ указаннымъ нами пожертвованіямъ на строящуюся во Львовѣ церковь Успенія Богородицы,³⁹⁾ а послѣ его смерти, вступивши на престолъ Молдавіи, и самъ дѣлалъ большіе денежные подарки братству на означенный предметъ. Въ 1607 году имъ послана была во Львовъ, по просьбѣ братства, тысяча польскихъ золотыхъ, съ увѣдомленіемъ о содѣйствіи храмоздателямъ въ ихъ богоугодномъ дѣлѣ и на будущее время⁴⁰⁾; столько же послано было отъ него братчикамъ и въ началѣ слѣдующаго года⁴¹⁾. Въ лѣтописи *Зубрицкаго* и *актахъ*, изданныхъ С.-Петербургскою Археографическою Коммиссіею, можно найти не мало и другихъ фактовъ благотворительности Могиля, оказанной львовскому братству въ

³⁷⁾ Лѣтоп. львов. брат. подъ 1593 и 1598 гг. А. Ю. и З. Р. т. I № 222. I. Г.

³⁸⁾ Прилож. № XIX. 1 и 2. А. Ю. и З. Р. № т. I. 222. 1.

³⁹⁾ Прилож. № XIX. 1.

⁴⁰⁾ А. Ю. и З. Р. т. I № 222. XVIII.

⁴¹⁾ Приходо-расх. тетр. львовскаго братства, — рукопись, хранящаяся въ архивѣ Ставроп. Института во Львовѣ, подъ № 416.

концѣ XVI и началѣ XVII стол⁴²⁾. При этомъ, для полной оцѣнки расположенія означенной фамиліи къ братчикамъ, нужно замѣтить, что ею послышались громадныя суммы во Львовъ въ то время, когда на ея родной землѣ „было бы досить что напровожати: бо мало не везде было скажено (вслѣдствіе военныхъ смуть)⁴³⁾“, и когда сами Могилы до того нуждались въ матеріальныхъ средствахъ, что иногда должны были для удовлетворенія частыхъ просьбъ братчиковъ прибѣгать къ денежнымъ займамъ у своихъ подданныхъ, или предпринимать другія тому подобныя крайнія мѣры⁴⁴⁾. Разумѣется, львовское братство не могло оставаться неблагодарнымъ къ покровительствовавшей ему фамиліи и потому, въ свою очередь, старалось оказывать ей посильныя услуги и принятые въ обществѣ знаки своего уваженія и благодарности. Такъ, во время смуть, бывшихъ въ молдо-влахійскихъ земляхъ, оно сохраняло въ своихъ церковныхъ погребехъ имущество воложскаго господара Моисея Могилы (брата нашего митрополита)⁴⁵⁾; при посѣщеніяхъ Могилами Львова устраивало для нихъ великолѣпныя пиры⁴⁶⁾; прославляло ихъ благотворительность въ писѣмахъ⁴⁷⁾; посвящало имъ издаваемые въ своей

⁴²⁾ Supplem. ad List. Russiae monumenta, №№ CLXXXIX—CXСII; Лѣтоп. львов. братства подѣ 1610, 1611, 1613, 1627 и 1628 гг.

⁴³⁾ Прилож. № XIX. 1.

⁴⁴⁾ А. Ю. и З. Р. т. I. № 222. IV. IX.

⁴⁵⁾ Лѣтоп. Львов. братст. подѣ № 1624 г.

⁴⁶⁾ Приходо-расх. тетрадь львовскаго братства 1613 г.

⁴⁷⁾ Копіи писемъ, отправленныхъ въ концѣ XVI и нач. XVII стол. къ молдо-влахійскимъ господарямъ и тамошнимъ сановникамъ, находятся въ рукоп. въ архивѣ львовск. ставропиг. института.

типографіи книги ⁴⁸⁾; заносило ихъ имена для помяновения въ братскіе синодики ⁴⁹⁾; а когда окончена была постройкою упомянутая нами церковь Успенія Богородицы,—на главномъ ея куполѣ золотыми буквами начертало имена главныхъ храмоздателей изъ сей фамиліи ⁵⁰⁾.

Теперь, если примемъ во вниманіе съ одной стороны низкій уровень образованія въ Молдавіи и Валахіи въ разсматриваемое время, а съ другой то обстоятельство, что городъ Львовъ въ концѣ XVI и началѣ XVII стол. былъ центромъ просвѣщенія въ юго-западной Россіи, причемъ львовская братская школа служила источникомъ наукъ для цѣла-

⁴⁸⁾ *Октоихъ, сирѣчь осмоласникъ*, изд. львовскимъ братствомъ въ 1630 г., посвященъ Мирону Могилѣ Бернавскому; въ 1633 г. Петру Могилѣ поднесенъ былъ отъ братства панегирикъ подъ заглавіемъ: *Aurora na Horyzontie Lwowiskiem swieccga Przeoswieconemu Echarsze swiętego Tromi Apostolskiego Konstantinopolskiego* и проч.

⁴⁹⁾ Синодикъ, хранящ. въ архивѣ Ставр. института во Львовѣ.

⁵⁰⁾ *Зубричкій* въ сочиненіи — *Kronika miasta Lwowa* (стр. 272), а слѣдуя ему и *Петрушевичъ* въ своей *сводной Галицко-Русской летописи* (стр. 67—68) приводятъ указанія надписи не совсѣмъ вѣрно. Такъ надпись съ именами Іереміи и Симеона Могилъ читается у нихъ слѣдующимъ образомъ: *ясно свѣтлый двѣицо воевода Молдавскихъ Павель, Іереміи Симеона Могиль ктитори церкви*, — что послужило основаніемъ какъ для самаго Петрушевича (см. Галицкій истор. сборникъ 1854, вып. 1. стр. 34), такъ и для другихъ писателей (см. *Przewodnik we Lwowie* за 1874 г.) считать въ числѣ лицъ, иждивеніемъ которыхъ созидалась львовская братская церковь, и *Павла Могилу, никогда на самомъ дѣлѣ не существовавшего*. Означенную надпись мы имѣли случай лично разсматривать и прочитали ее такъ: *ясно свѣтлыя двѣица воевода молдавскихъ паметь Іереміи, Симеона ктитореи церкви*.—Приводимъ и остальные три надписи на куполѣ ставропигиальной львовской церкви: 1) *Всесвѣтло крацтвоуюшу Живимонту третему начало и свершеніе пріять сія церкви*. 2) *Пресвѣтлый царь и великій князь Теодоръ Ивановичъ бысть благодѣтель церкви*. 3) *Ясно свѣтлый господарь воевода молдавскій Міронъ Бернавскій свершителъ церкви*.

го края,—то трудно предположить, чтобы, при указанной нами близости Могилъ къ львовскому братству, просвѣтительное вліяніе послѣдняго не касалось и молдо влахійскихъ земель. Дѣйствительно, въ уцѣлѣвшихъ памятникахъ отъ того времени есть нѣсколько указаній на такое вліяніе. Іеремія Могилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (отъ 1605 г.), извѣщая братство объ отправкѣ во Львовъ дьяка для закупки бумаги и пріисканія переписчиковъ, просить, чтобы братчики оказали посланному свое содѣйствіе „какъ для купованя того паперу, такъ тежъ и для обшуканья дьяка до писаня книгъ“⁵¹). Еще важнѣе въ данномъ случаѣ помѣщаемое нами въ приложеніи письмо молдавскаго лагофета Луки Строича, гдѣ онъ проситъ братство о снисхожденіи къ воспитывающимся въ ихъ школѣ (безъ сомнѣнія молдовапамъ) Ѳомѣ и Гаврилѣ: „рачте быти—говоритъ онъ—ласкави на нихъ, же бы се учили⁵²)“... Соображая все сказанное нами, какъ о близости фамиліи Могилъ къ львовскому братству, такъ и о просвѣтительномъ вліяніи послѣдняго, простиравшемся и на Молдавію,—нельзя не признать вполне правдоподобнымъ приведенное нами мнѣніе о нашемъ митрополитѣ, какъ воспитанникѣ братской львовской школы,—и это тѣмъ болѣе, что послѣдующія отношенія П. Могилы къ львовскому братству были самыя пріязненныя и что къ братской школѣ онъ питалъ глубокое уваженіе, особенно рельефно выразившееся при основаніи имъ собственной коллегіи: извѣстно, что первыми учителями сей коллегіи были

⁵¹) А. Ю. и З. Р. т. I. № 222. XVII.

⁵²) Прилож. № XIX. 8.

вызванные изъ Львова братскіе ученые педагоги. Хотя, впрочемъ, означенное мнѣніе и можетъ быть отчасти ограничено тѣмъ предположеніемъ, что воспитаніе Петра Могилы происходило не въ самомъ Львовѣ, не въ кругу львовскихъ братчиковъ, но на родинѣ, въ Молдавіи, куда братство, по просьбѣ Могилы, могло посылать своихъ наставниковъ для обученія дѣтей многообязывавшей ихъ владѣтельской фамиліи. Такое предположеніе мы основываемъ, во первыхъ, на томъ соображеніи, что подобная посылка учителей къ наиболѣе вліятельнымъ лицамъ и учрежденіямъ нерѣдко практиковалось въ львовскомъ братствѣ⁵³⁾, а, во вторыхъ, на современномъ извѣстіи, что при дѣтяхъ Симеона и Маргариты Могилы (родителей нашего митрополита) были домашніе наставники, находившіеся въ зависимости отъ львовскихъ братчиковъ⁵⁴⁾.

Но признавая, такимъ образомъ, мнѣніе о воспитаніи Петра Могилы въ львовской братской школѣ (или точнѣе подъ руководствомъ наставниковъ этой школы) весьма правдоподобнымъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ отрицать достовѣрности и другаго мнѣнія, приписывающаго нашему митрополиту образованіе западно-европейское. Если первое мнѣніе находитъ достаточную опору для своего признанія въ указан-

⁵³⁾ Прилож. № VII и VIII. Братство послало своихъ наставниковъ, между прочимъ, и къ князю К. И. Острожскому, просившему объ этомъ братчиковъ.

⁵⁴⁾ См. письмо матери П. Могилы, въ которомъ она проситъ львовскихъ братчиковъ уяснить недоразумѣнія, возникшія между братскими священниками и учителемъ ея сыновей, котораго она для сей цѣли посылаетъ во Львовъ (Supl. ad Hist. Rus. monum. № CLXXXIX—CXCI. 4.).

~~нихъ~~ нами дружественныхъ отношеніяхъ фамиліи Могиль въ львовскому братству, то не менѣе вѣскія данныя могутъ быть представлены въ защиту достовѣрности и другаго.

Хотя въ началѣ XVII стол. въ юго-западной Россіи существовало уже достаточное количество школъ, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (какъ, напр., львовской) кругъ преподаваемыхъ предметовъ былъ довольно обширенъ; но такъ какъ школы эти, будучи основаны на иныхъ началахъ, чѣмъ коллегіи польскія и западно-европейскія, не имѣли того внѣшняго блеска, а отсюда и той популярности, какими славились послѣднія,— то южно-русскіе аристократы, слѣдуя по стопамъ польскихъ магнатовъ, считали образованіе, получаемое на родинѣ, не вполне соответствовавшимъ требованіямъ времени. Поэтому, они хотя и отдавали своихъ дѣтей для первоначальнаго обученія въ родныя школы (или же приглашали изъ нихъ наставниковъ къ себѣ въ домъ), но образованіе ихъ этимъ не ограничивали. Всякій знатный панъ того времени считалъ неперемѣнною своею обязанностію, послѣ обученія сынамѣстными наставниками, посылать его для довершенія образованія въ коллегіи и университеты заграничныя. Правда, нѣкоторые изъ строгихъ ревнителей православія сильно вооружались противъ такого обычая, утверждая, что „лакомство на латинскую мудрость простоту и премудрость Божию безчестить,“ что „хитрорѣчіе, поганскій красномовный Аристотель, вавилонскіе страсти музыки“ и вообще все, исходящее отъ *тлетворнаго запада*, „отъ благочестія уст-

раняетъ, ересями отравляетъ и отступниками отъ православныя вѣры содѣлываетъ“; а потому вмѣсто „живыхъ діалектовъ, философскаго киченія и прочаго цвѣтнорастущаго зелія“ (чѣмъ, по ихъ мнѣнію, былъ такъ обилень западъ), предлагали свои православныя цвѣточки, разумѣя подъ ними кругъ церковно-богослужебныхъ книгъ⁵⁵). Но трудно было бороться противъ духа времени. Въ самыя южно-русскія школы начали понемногу проникать порядки коллегій западно-европейскихъ. Само южно-русское православное духовенство стало считать поѣздки за границу съ цѣлію научною дѣломъ необходимымъ.Поэтому, даже на основаніи только сказаннаго, трудно отказать въ достовѣрности извѣстію о посѣщеніи П. Могилою западно европейскіхъ учебныхъ заведеній, — трудно допустить, чтобы сынъ молдавскаго воеводы не выполнилъ общепринятыхъ между знатными лицами условій въ дѣлѣ такой первостепенной важности, каково образованіе. Но еще болѣе говорятъ за достовѣрность означеннаго извѣстія самый складъ образованія П. Могила и вытекавшій отсюда характеръ его дѣятельности. Мы не будемъ въ данномъ случаѣ указывать на то, что нашъ митрополитъ, по отзыву современниковъ, *у ро латиніе у ро грецки исзуѣ сше*⁵⁶), такъ какъ эти языки преподавались и во львовской школѣ⁵⁷); для подтвержденія сказаннаго достаточно принять во вниманіе, что П. Могила былъ зна-

⁵⁵) Прилож. № XVIII. стр. 73 и друг.

⁵⁶) Письмо М. Смотрицкаго къ Рутскому, напеч. въ прил. ко II тому Лит. церк. ун. М. О. Кояловича.

⁵⁷) А. З. Р. IV. № 32. Лѣтоп. львов. братств. подъ 1592 г.

токомъ западно-европейской литературы, весьма высоко цѣнилъ образованіе, получаемое въ школахъ заграничныхъ, и, сознавая, что въ Малороссіи, по причинѣ неученности духовенства и необученія юношества, происходитъ великій ущербъ для православія, — самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ пресѣченію этого зла призналъ перенесеніе на русскую почву западной науки, — и затѣмъ, водворивши ее въ основанныхъ имъ школахъ, гордился тѣмъ, что въ нихъ также хорошо идетъ ученіе, какъ и въ коллегіумахъ заграничныхъ.

Такимъ образомъ, основываясь на сказанномъ, мы приходимъ къ слѣдующему, какъ намъ кажется, нелишнему основанію заключенію: *Первоначальное образованіе П. Могила получилъ отъ наставниковъ дру- жественно расположеннаго къ его фамиліи львовскаго братства, а окончательное въ заграничныхъ университетахъ, слушаніе лекцій въ коихъ вошло въ моду, сдѣлалось всеобщимъ обычаемъ въ средѣ польской и западно-европейской аристократіи разсматриваемаго времени.*

Кромѣ школы на міросозерцаніе той или другой личности оказываетъ большое вліяніе *домашняя обстановка* и вообще *та среда*, въ которой ей приходится вращаться. Если мы обратимъ вниманіе на первоначальные годы жизни нашего митрополита съ этой именно стороны, со стороны вліянія на него окружающей (въ-школьной) обстановки, — то, при всей скудости положительныхъ данныхъ относительно этого предмета, мы можемъ придти къ тому несомнѣн-

ному убѣжденію, что онъ росъ подъ вліяніями, все-
лявшими въ него любовь къ православной религіи
и убѣждавшими въ ея превосходствѣ предъ дру-
гими вѣроисповѣданіями.

Фамилія Могиль отличалась религіозностію, ис-
креннимъ расположеніемъ къ праотцовой вѣрѣ.
Упоминаемый нами дѣдъ П. Могилы, лагофеть *Іоаннь*,
былъ щедрымъ благотворителемъ православныхъ
церквей и монастырей, и вообще такъ заботился о
спасеніи души, что, состарѣвшись, оставилъ вручен-
ный ему высокій государственный постъ и принялъ
съ именемъ *Іоанникія* монашество⁵⁸). Его сыновья,
Іеремія и Симеонъ, слѣдовали по стопамъ своего
отца. Мы видѣли какъ часты и цѣнны были ихъ
пожертвованія для нуждавшагося въ матеріальныхъ
средствахъ православнаго львовскаго братства. Не
менѣ часты и обильны были ихъ жертвы и для
отечественныхъ церквей и монастырей. „Отъ нашея
юности“—говоритъ Іеремія въ одной изъ своихъ
дарственныхъ грамотъ Скульскому монастырю—„бо-
голюбивымъ желаніемъ и сердечнымъ распаленіемъ
утвержденіе и честь и украшеніе святой церкви
непремѣнно въ душу вкорененну имами“⁵⁹). Благо-
честивый воевода всегда держалъ въ памяти, что
„утверждай и украшай церковь утверждаетъ и
украшаетъ душу свою“, и что „блаженъ мужь“,

⁵⁸) Сынъ Іоанна, воевода Іеремія, въ грамотѣ, данной Скульскому монастырю, перечисляя родичей, о своемъ отцѣ говоритъ: „Іоаннь Могила лагофеть, иже въ иночьскимъ житіе *Іоанникіе* паречень“. (Chronika Romanolui. стр. 25).

⁵⁹) Chronika Romanolui. стр. 23.

который не щадитъ тлѣннаго богатства на убогихъ людей и „святіи монастыри⁶⁰⁾“. Но пожертвованіями дѣятельность Могилъ на пользу православія не ограничивалась. Положеніе дѣлъ требовало большаго... Вступленіе фамиліи Могилъ на молдо-влахійскій престолъ (совершившееся почти одновременно со временемъ рожденія П. Могилы) совпало съ періодомъ усиленной дѣятельности римско-католическихъ пропагандистовъ, какъ въ юго-западной Россіи, такъ и въ сосѣдящихъ съ нею молдо-влахійскихъ земляхъ. На долю Могилъ, такимъ образомъ, выпадала священная обязанность отстаивать интересы православія въ управляемой ими странѣ,—обязанность тѣмъ болѣе трудная, что нѣкоторые изъ предшествовавшихъ имъ воеводъ своимъ опрометчивымъ поведеніемъ подавали Риму большія надежды на успѣхъ его притязаній въ молдо-влахійскомъ княжествѣ⁶¹⁾. Совершившееся въ это время официаль-

⁶⁰⁾ Ibid. 23—24.

⁶¹⁾ До 80-хъ гг. XVI столѣтія успѣхи римско-католической пропаганды въ Молдо-Влахіи были крайне ничтожны. Но съ этого времени для дѣятельности католиковъ, повидому, настало здѣсь болѣе благоприятное время. Петръ Черчель, сынъ бывшаго молдавскаго воеводы *Петрашки*, желая, подобно своему отцу, отнять у Мирчей воеводство, просилъ папу Григорія XIII оказать ему въ этомъ дѣлѣ свое содѣйствіе, обѣщая въ случаѣ успѣха принять католичество и ввести его въ своей странѣ. Достигши воеводства, Черчель, чтобы удержать его за собою, согласенъ былъ принять какую угодно унию. Поэтому папа въ 1583 году поручилъ извѣстному католическому миссіонеру Поссевину отправиться для пропаганды между православными въ Молдавію и Валахію. Результаты этого посольства неизвѣстны; но сдѣла ли они были значительны, такъ какъ съ апрѣля 1583 года въ молдо-влахійскихъ земляхъ находились экзархи константинопольскаго патріарха Іе-

ное провозглашеніе религиозной уніи въ Польской Коронѣ, покровительствовавшей фамиліи Могилъ, еще болѣе усложняло эту обязанность. Тѣмъ не менѣе Могилы свято исполняли ее. Когда Іеремія Могила, весьма много обязанный Польшѣ, предъ своимъ вступленіемъ на господарство давалъ торжественную присягу оказывать этой странѣ покор-

ремин—Никлфоръ и Діонисій, безъ сомнѣнія противодѣйствовавшіе католической пропагандѣ.—Въ первой половинѣ 1585 г. Черчель, подававшій большія надежды католикамъ (*vir—какъ отзывается о немъ папа—Catholicus, cumque sancta saede conjutissimus*) долженъ былъ оставить престоль и бѣжать въ Трансильванію. Послѣ того, въ томъ же 1585 году, воложское воеводство вторично занялъ *Михи Мирчи*, а въ слѣдующемъ году воеводство молдавское—его братъ *Петръ Хромой*. Впрочемъ, папа не смутился отъ такой перемены въ управленіи воеводствами. Положеніе Мирчичей нельзя было считать прочнымъ и они нуждались въ подкрѣпленіи себя союзниками, между которыми первое мѣсто занималъ польскій король Стефанъ Баторій—католикъ. Вслѣдствіе этого, вліяніе Рима на молдо-влахійскія земли не могло прекратиться. Оказалось даже, что оно быстро увеличивалось. 5 сентября 1587 г. великій комерарій молдавскаго воеводы (П. Мирчи) албанскій грекъ Вареоламей Брутъ, латинофронтъ или даже католикъ, писалъ папскому нунцію въ Польшѣ отъ имени воеводы, что послѣдній сочувствуетъ подавленію еретичества (протестанства) среди молдавскихъ саксовъ и мадьяръ, проситъ о присылкѣ для этой цѣли іезуитовъ въ Молдавію и вообще заявляетъ о своей готовности къ соединенію съ римскою церковію, такъ какъ греки своими безурядицами въ іерархіи не внушаютъ къ себѣ довѣрія. Разумѣется, такой оборотъ дѣла былъ крайне пріятенъ для пропагандистовъ папства. Къ воеводѣ посланы были въ ласкательномъ духѣ письма отъ папы, его нунція и другихъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ, гдѣ, между прочимъ, говорилось, что союзъ съ римскою церковію будетъ для воеводы полезенъ и въ отношеніи политическомъ, такъ какъ доставитъ ему поддержку и покровительство могущественнаго польскаго короля.—Въ своихъ отвѣтныхъ грамотахъ (въ янв. и октяб. 1588 г.) воевода выражалъ благодарность за заботы о немъ и просилъ папу принять его подъ свое

ность, то однимъ изъ первыхъ условій, выговоренныхъ имъ для своего государства, было полное обезпеченіе въ немъ свободы греческаго исповѣданія⁶²); при чемъ Могила настоялъ, чтобы обѣщаніе польскаго короля относительно этого было торжественно заактировано⁶³). Подобную же ревность къ праотцевской вѣрѣ обнаруживалъ Іеремія—а равно и его братъ Симеонъ—и во время своего княженія, заботясь не только (какъ мы видѣли) о благоукрашеніи православныхъ церквей и монастырей, но и стараясь, по возможности, о возвышеніи научнаго, въ духѣ православія, образованія въ своемъ народѣ, какъ средства самаго дѣйствительнаго къ ограж-

отеческое покровительство и употребить содѣйствіе къ искорененію въ управляемой имъ землѣ еретичества. Въ томъ же духѣ—и конечно по приказанію воеводы—писалъ къ папѣ и митрополитъ Георгій Могила.— Но и на этотъ разъ замыслы пропагандистовъ католицизма, повидимому уже близкіе къ осуществленію, должны были рушиться. Петръ Мирчи, встревоженный угрозами султана, недовольнаго воеводою—какъ думаютъ—за его сношенія съ Римомъ, прекратилъ бесплодные переговоры съ папой, и когда въ началѣ 1590 г. прибылъ въ Молдавію (на пути изъ Россіи) константинопольскій патриархъ Іеремія,—онъ принялъ послѣдняго, какъ вѣрный сынъ православной церкви, и далъ ему богатую милостыню въ 2000 злотыхъ. Примѣру воеводы послѣдовалъ и митр. Георгій Могила, тоже совершенно оставившій мысль объ уніи съ Римомъ.—Несмотря на это, пропагандисты папства не покидали начатаго ими дѣла, тѣмъ болѣе, что вновь начавшіяся въ молдо-влахійскихъ земляхъ смуты опять стали манить ихъ надеждою на успѣхъ предпріятія.. Вотъ среди такихъ-то обстоятельствъ и совершилось вступленіе на молдо-влахійскій престоль фамиліи Могилъ (Александр. патриархъ Мелетій Пн҃гасъ и его участіе въ дѣлахъ рус. церкви. Кіевъ. 1872 года, *И. И. Малышевскаго* I. 321—332).

⁶²) Orb. Polonus. II. 230.

⁶³) Ibid.

денію государства отъ наплыва иновѣрныхъ идей. Разумѣется, ревность Могиль къ православію не могла прекратить въ молдо-влахійскихъ земляхъ дѣятельности неутомимыхъ и ничѣмъ не смущающихся пропагандистовъ папства, тѣмъ болѣе, что бѣдственное положеніе означенныхъ странъ вынуждало воеводъ поддерживать хорошія отношенія съ католиками⁶⁴). Но молдаво-влахійскій народъ не оставался въ это время безпомощнымъ: греко-восточная церковь, зорко слѣдившая за дѣйствіями римско-католической пропаганды въ юго-западной Руси, не оставляла безъ вниманія и Молдо-Влахіи. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, восточные іерархи иногда лично, а всего чаще чрезъ свои окружныя и частныя посланія призывали православныхъ къ единодушію и твердости въ вѣрѣ, предостерегали отъ

⁶⁴) Это, безъ сомнѣнія, и послужило для католиковъ къ неосновательному предположенію о расположенности Іереми и Симеона Могиль къ римской церкви. Въ инструкціи, данной 1606 г. кардиналомъ Боргесомъ (Borghese) епископу Симонетту, между прочимъ, говорится: *Możesz także JW. Pan zaiąć się Wołoszczyzną; bo bubo wojewoda Szymon iest wyznania greckiego, mimo to jednak barzo jest dobrze usposobiony dla katolików, równie jak brat jego Ieremiasz, po którym nastąpił na gospodarstwo. Zaniósł on teraz proźbę do Rzymu o nadanie biskupstwa wołoskiego oycu Assegno, zakonu S. Franciszka, i proces jego, iusz tu będący, wkrótce odesłany będzie. Utrzymywać będziesz przyjacielskie stosunki z tym wojewodą i z iego sekretarzem, dobrym, iak mówią, katolikiem, nie spuszczać z oka sprawy katolików tey prowincyi, którzy dawniej żądali ztąd xięży, i teraz podobno ich potrzebują. Można by, zająwszy się nieco pilniej, pozyskać wielu dusz w tamtych stronach, i dla tego nie opuścisz żadney sposobności iaka się do tego nastręczy, dowiedziawszy się wprzod od biskupa Reggio, jakby można najlepiej zadosyć uczynić potrzebom duchownym tego narodu. (*Relacye nunciuszow apostolskich i innych osób o Polsce* Paris. 1864 г. II. 100).*

позней іезуитовъ, обличали заблужденія папства,— словомъ употребляли всевозможныя средства къ прекращенію зла, причиняемаго иновѣрною пропагандою. Не меньшую поддержку молдо-влахійская церковь получала и отъ юго-западной Руси, гдѣ борьба съ латинянами велась въ большихъ размѣрахъ и вызывала оживленную литературную полемику, лучшія произведенія которой въ защиту православія не только расходились по всѣмъ литовско-русскимъ областямъ, но и пересылались (большею частію чрезъ львовское братство) въ молдо-влахійскія земли, удовлетворяя здѣсь самымъ насущнымъ потребностямъ времени.

Такимъ образомъ, въ первоначальные годы жизни Петра Могилы предъ его глазами проходилъ цѣлый рядъ явленій, вызванныхъ борьбою православія съ католическою пропагандою. Разумѣется, явленія эти не могли проходить безслѣдно для развитія ребенка, а должны были производить сильное впечатлѣніе на воспріимчивую дѣтскую душу,—и хотя намъ неизвѣстна въ подробностяхъ первоначальная жизнь нашего митрополита, на основаніи чего мы постепенно могли бы слѣдить за религіознымъ его воспитаніемъ въ семейномъ кружкѣ, но зная ревность къ праотцевской вѣрѣ Могилъ, энергично боровшихся съ иновѣрною пропагандою,— можемъ безошибочно утверждать, что воспитаніе это совершалось среди атмосферы, проникнутой духомъ православія, среди обстоятельствъ, выдвигавшихъ вопросы вѣры на первый планъ. Впрочемъ, можно найти относительно этого и положительныя ука-

занія,—правда, очень отрывочныя, но драгоцѣнныя потому, что онѣ принадлежать самому Петру Могилю. Сюда мы относимъ два разсказа изъ дѣтской жизни П. Могилы, занесенные имъ въ свою записную книгу, заведенную вскорѣ послѣ вступленія его на кіево-печерскую архимандрію. Одинъ разсказъ касается событія, сообщеннаго Могилю во дни его дѣтства, безъ сомнѣнія, съ цѣлю показать превосходство православной религіи предъ католическою. Могилою разсказъ объ означенномъ событіи передается въ слѣдующемъ видѣ:

„Егда Михаилъ воевода, господарь земли Угровлахійской, изгна Батеръ Андреяша и приать скипетръ Семиградскаго воеводства, прииде въ стулешній градъ, нарицаемый Бѣлградъ, и восхотѣ церковь православную тамо въ градѣ создати; іереи же и граждане и вси бояре, латинскія сущія вѣры, не соизволяху ему създати, глаголюще себе православныя быти вѣры, и сего ради не хотяху чуждыя вѣры церковь во градѣ своемъ имѣти. Господарь же глаголаше: вы нѣстѣ правыя вѣры исповѣдницы, не имаете бо благодати Святаго Духа въ своей церкви; мы же, правовѣрнии суще, дѣйствительную силу благодати Святаго Духа имамы, иже и дѣломъ показати всегда готови Божією помощію есмы.—Они же прѣніемъ словесъ и глаголаніемъ хотяху показати сіе.—Онъ же рече: ни, не словопреніемъ, но дѣломъ хощу да покажете или азъ да покажу въ увѣреніе всѣмъ.—Они же рѣша: како убо показати имамы, нѣсть бо мощно инако, аще не отъ божественныхъ писаній словомъ изъявити.—Онъ же рече:

въ словопрѣніяхъ трудъ безъ конца есть, нѣ кромѣ словопрѣнія въскорѣ се Богу поспѣшествующему мы показати можемъ; идемъ, рече, посредѣ града и тамо воду чисту да принесутъ и мой Архіерей съ своими іереи предъ всѣми посвятить ю; такожде и ваши таможде особо да творятъ, и тако посвятивше, въ вашей велицей церкви до 40 дней, запечатлѣвши своими печатми и воду и церковныя двери, поставимъ и.. въ особенныхъ сосудовъ заключимъ. Ихъ же убо нетлѣнна пребудеть, якъ же нынѣ отъ источника взята будетъ, сихъ вѣра истинна есть; а ихъ же растлѣется и вѣра зла есть. Аще же убо моя вода нетлѣнна, якъ же уповаю на Бога, пребудеть, невозбранно соизволите ми церковь создати, аще же ни, то, по хотѣнію вашему, не създамъ. — Они же вси единогласно возопиша: добрѣ, добрѣ, будѣ тако. — На утрѣи же изыдѣ Господарь со всѣми боляры и съ дворомъ своимъ на трѣжищи, по обычаю съ литією и Епископъ и іереи съ нимъ съ кресты, со свѣщи же, и съ кадилы, — и на устроенномъ мѣстѣ ставши, великое освященіе водѣ сотвориша, молящися вси со слезами и воздыханми, да прославить Богъ православную вѣру, зловѣрныя же да постыдитъ. Латинницы же такожде особо предъ всѣми, по своему обычаю, освятиша воду и солию осолила, и тако освящѣше, каждо въ особномъ сосудѣ влѣяше свою священную воду и обоихъ стронъ печатми оба сосуда запечатлѣша, и внесеше въ великой поставиша латинской церкви и, заключивше двери, запечатлѣша и отъидоша. Повся же дни прилѣжно Господарь съ Епископомъ и іереи и со

всѣми православными моляшеся постя. Такожде и латинницы творяху. Минувшимъ же двадцати и пятимъ днямъ, по Божію откровенію, приде къ нему Епископъ и рече: Господарю, призови латинники и ихъ іерѣи и не жди установленнаго дня четырехдесятаго; идемъ къ церкви и, отпечатлѣвше, отверземъ двери, и узриши благодать Божію и якъ вѣрныи раби его, истинно уповающии, не постыдятся. Господарь же, призвавъ вся, по совѣту епископа, иде къ церкви, и, отверзше двери, внидоша вси; и въ первыхъ православный епископъ приклонь колѣна со слезами помолися Богу, глаголя: Боже, едине въ Троицѣ Святѣй славимый и покланяемый, якъ же древле праведнаго твоего Елію въ извѣщеніе Твоея истины услышалъ еси огнемъ и посрамилъ еси злочестивыхъ, еще и нынѣ услыши мя недостойнаго раба твоего и всѣхъ предстоящихъ вѣрныхъ рабъ Твоихъ, не ради достоинства нашего, его же неимамы, нѣ славы ради имени Твоего Святаго и утвержденія ради истинна, яже въ Тя, наша вѣры, яви неотъемлемую благодать Святаго Духа отъ воды сея, неистлѣніемъ ея да увидятъ вси предстоящии, яко во единой точію Восточной греческой Твоей церкви истинна есть вѣра и дѣйствительная благодать Святаго Духа; Ты бо единъ еси благословяй и святяй всяческая, Боже нашъ, и Тебѣ славу возсылаемъ Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.—Воставъ же и поя—*Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой кою убоюся,* — распечатлѣ сосудъ, въ немъ же вода священная бѣ, и возрѣвъ на воду, чистѣйшу и свѣтлѣйшу, нежели

первѣе сушу, обрѣте, и обонявъ свойственно годное благовоніе, аки отъ ротящаго источника бываетъ ощутивъ, възопи глаголя: Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ, прославляющему церковь свою, слава Тебѣ, предивно утверждающему православную вѣру и не посрамившему насъ въ упованіи нашемъ. И ко всѣмъ рече: приидите и видите, како толико дній сія вода стоя благодатию Святаго Духа неистлѣнна пребысть, и увѣряться, якъ истинна есть вѣра наша православная. — Латинницы же такожде помолившись и службу по своему обычаю совершивше, распечатлѣша сосудъ, въ немъ же ихъ вода бяше, и абіе же отверзше, вся церковь наполнися смрада, яко же устрашится всѣмъ латинникомъ, и съ удивленіемъ возопиша: истинна есть вѣра греческая, яже господарь содержитъ, да созиждетъ церковь своя вѣры въ нашемъ градѣ, понеже бо якъ се возбранихомъ, Богъ разгнѣвася на насъ и засмерди вода наша. И тако посрамлени латинницы съ своими іереи съ веліимъ стыдомъ разыдошася, иніи же отъ нихъ къ православной обратишася вѣрѣ. Господарь же съ епископомъ своимъ и съ іереи и всѣми боярами и вои своими, исполнь радости и веселія, возвратися въ дворъ свой, слава и благодаря Бога о бывшемъ чудеси на утверждене истинныя православныя вѣры. Сотвори же учреждене веліе въ той день всему граду и всѣмъ воемъ своимъ. Съ клятвою же изволиша вси жители земли семиградскія создатися церкви и еже никогда же разорити ю. Абіе же господарь нача созидати (нѣ не въ градѣ, да не премѣненіемъ време разоритъ ю, но на пред-

градіи, близъ стѣны града на красномъ мѣстѣ) и создавъ ю, и епископи тамо перенесе (на иномъ бо прежде мѣстѣ живяху епископи), идѣже и донинѣ благодатію Божіею пребываютъ. Постави же тамо перваго епископа Бѣлграду Іоанна, мужа кротка, добродѣтельна и свята, иже тамо, святолѣпно живѣ, и чудесемъ благодать получитьи сподобися. По преставленіи же его, тѣло его нетлѣнно, благовонно, до днесь пребываетъ, чудеса многая творя вѣроу къ рацѣ его приходящимъ, въ славу Христа Бога нашего, Ему же подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе съ безначальнымъ Его Отцемъ и съ пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь ⁶⁵)».

(Далѣе указываются лица, рассказывавшія Могила, во время его дѣтства, объ означенномъ событіи).

Во второмъ разсказѣ Могила сообщаетъ о своемъ столкновеніи во время дѣтства съ человѣкомъ религіозно-аскетическаго настроенія, какъ видно, произведшемъ на него не малое впечатлѣніе.

»Бѣ нѣкто (пишетъ Могила) юноша, именовъ Стефанъ, служай у родителей моихъ, родомъ русинъ отъ Каменца Подольскаго, кравецъ художествомъ, смиренъ, чистъ, благоговѣйнъ, и никогда же правила церковнаго якъ же инокъ оставляше. Единою же, по обычаю своему, въ полунощи воставъ на молитву клеветъ же ради своихъ, иже въ единомъ же дому спяху, да не ругаются ему (всегда бо, егда видяху его молящися, ругахуся ему), изыде вонъ и внѣ мо-

⁶⁵) Собственноруч. записки П. Могила, — рукоп., хранящ. въ библиотекѣ при Кіево-Соф. соборѣ.

ляшеся. Молящужеса ему со слезами, свѣтъ велій осія стго; онъ же пристрашенъ бывъ, възрѣвъ на небо и видѣ крестъ велій отъ звѣздъ свѣтло сіяющъ, и слыша челоуѣка глаголющаго къ себѣ: челоуѣче, изыди отъ міра и иди въ монастырь, и тамо потщався обрящещи покой. Се же видѣвъ и слышавъ, паче страшенъ паде на лицѣ своемъ, обѣщася инокъ быти, рече: яко же ты, Господи Іисусе Христе, Боже мой, хощещи настави мя и пойду въ истиннѣ твоей.—И тако на утрѣи моли родителей моихъ, да отпустятъ его; они же не хотяху, вельми бо послушливъ и добръ бѣше юноша. Онъ же, и не хотѣщимъ имъ, отбѣде и въ Сучавицкѣй монастырь, въ молдо-влахѣйской земли сущѣй, вшедъ, отречеся міра, бысть искусенъ инокъ и нарекоша ему имя Афанасіе. Се же сущу ми въ монастырѣ Сучавицтѣмъ въ лѣто 1610⁶⁶⁾, сентября мѣсяца въ 25 день, самъ сего Афанасія повѣдающа се слышахъ, егда вопрошахомъ его, чесо ради отбѣже отъ родителей моихъ и како бысть мнихъ. Написахъ же, да увѣмы како Богъ любитъ измлада въ чистотѣ и въ молитвахъ пребывающихъ и всегда ему служащихъ, и якъ и самъ къ нимъ бесѣдуетъ и путь спасенія показуетъ въ честь и славу своего не приступнаго Божества, Ему же слава во вѣки. Аминь⁶⁷⁾».

Первое (по времени) опредѣленное свѣдѣніе о Петрѣ Могилѣ, отмѣчаемое всѣми его біографами,

⁶⁶⁾ Слѣд. Петру Могилѣ было въ то время около 13½ лѣтъ.
⁶⁷⁾ Собственноруч. запис. Петра Могилы.

состоить въ извѣстїи объ его участїи въ хотинской битвѣ, гдѣ онъ, въ рядахъ польскаго войска, охоту до услуги Рѣчи Посполитое противко Солтанови Османови, царови турецкому, головному неприятели тое Рѣчи Посполитое и всего христіанства освѣдчалъ ⁶⁸).

Поступленіе молдавскаго воеводича на службу Польской Коронѣ, представляющееся на первый разъ явленіемъ нѣсколько страннымъ, легко можетъ быть объяснено съ одной стороны тѣми неудачами, какія постигли его фамилію на родинѣ, а съ другой особенными отношеніями сей фамиліи къ польскому правительству и польской аристократїи.

Въ разсматриваемое время не было ни одного государства, политическая жизнь котораго представляла бы большія неурядицы, чѣмъ какія мы видимъ въ Молдавіи и Валахіи Господствовавшая въ этихъ странахъ избирательная система правленія, допускающая совмѣстничество при достиженіи господарскаго престола, открывала широкій просторъ интригамъ и кровавымъ схваткамъ между знатными боярскими родами, желавшими захватить въ свои руки верховную власть. Вассальныя отношенія молдо-вла-

⁶⁸) Археогр. сбор. докум. сѣв.-зап. Руси, II. № 31. — На участіе Петра Могилы въ хотинской битвѣ любилъ указывать его панегиристы. Такъ, напр., въ *Мнемозинѣ*, панегирикѣ, поднесенномъ Могилѣ вскорѣ послѣ вступленія его на митрополїю, находится, между прочимъ, изображеніе руки съ воинскимъ знаменемъ, представляющимъ вензелевую букву Р. (Piotr); по поводу чего панегиристы говорятъ: „Что ты дѣлаешь рыцарь?..... Я вижу въ рукѣ твоей Марсово знамя..... *Здѣсь не Холмъ, Петръ, не турецкая брань...* и проч.

хійскихъ господарей къ корыстолюбивому турецкому правительству, присвоившему право утверженія, а въ послѣдствіи и самаго избранія воеводъ, еще болѣе увеличивали означенное зло. Всегдашняя возможность покупки господарской власти у вліятельныхъ лицъ турецкаго дивана вызывала не только изъ среды мѣстной аристократіи, но даже изъ стороннихъ, иногда малоизвѣстныхъ личностей, цѣлыя толпы соискателей, которые старались отбить вакантное господарское мѣсто другъ у друга, или даже купить его еще при жизни воеводы. Вслѣдствіе этого, положеніе молдо-влахійскихъ господарей было крайне скользкое. Они, по выраженію одного изслѣдователя, являлись и исчезали подобно метеорамъ, приводя часто въ удивленіе сосѣднія государства и заставляя самихъ турокъ опасаться за свою власть въ этихъ легко воспламеняющихся княжествахъ. До безобразія длинные перечни молдо-влахійскихъ воеводъ, приводимые въ сочиненіяхъ Палаузова и Голубинскаго⁶⁹⁾, весьма краснорѣчиво подтверждаютъ это. Такъ въ Молдавіи во 2-й половинѣ XVI стол., менѣе чѣмъ въ 45 лѣтъ (съ 1552 по 1595 г.), смѣнилось *десять* воеводъ, а въ Валахіи со смерти *Раду IV* и до вступленія на господарство *Михаила Храбраго*, съ 1508 по 1592 г., перемѣнилось *девятнадцать* господарей, при чемъ только одинъ Александръ умеръ, нося княжеское достоинство; остальные же *восемнадцать* погибли или отъ яда, или въ

⁶⁹⁾ Румынс. государства. *Палаузова*. стр. 34 и 121. Краткій очеркъ исторіи правосл. церкви Болгарской, Сербской и Румынской. *Голубинскаго*. стр. 340—345.

изгнаниі, или въ заточеніи⁷⁰⁾. Не безъ тревогъ и волненій начала свое княженіе въ молдо-влахійскихъ земляхъ и фамилія Могилъ. Іеремія и Симеонъ, возведенные на господарство усиліями Польши, должны были силою оружія отстаивать свои права на княженіе противъ посягательства на нихъ разныхъ претендентовъ; не разъ, при перемѣнѣхъ военнаго счастья, принуждаемы были бѣгствомъ спасать свою жизнь, уступая престолъ противникамъ⁷¹⁾. Наконецъ, при помощи друзей опять занимая воеводства, они находили свою страну опустошенною, истощенною, требующею, »поправъ и не малаго кошту«, — и постоянно должны были »направлять« ее, что, при большой скудости матеріальныхъ средствъ, весьма часто ставило ихъ въ крайне затруднительное положеніе⁷²⁾. Еще

⁷⁰⁾ Румынс. господарства. *Палузова*. стр. 32.

⁷¹⁾ Такъ въ 1600 г. Михайлъ, поддерживаемый цезаремъ Рудольфомъ „ut sibi recuperaret Valachiam interim dum in Transilvania morabatur à Simeone Mohila occupatam, ex Transilvania rediens Simeonem inde expulerat. Et cum nihilominus Simeon adiutus a fratre Hieremia Palatino Moldaviae vires suos instavrasset, Mihael interato praelio caesum usque in Moldaviam sequutus, etiam Moldaviam sibi subiicere, Hieremiamque inde pellere decreverat. Nec infelici ab initio successu, nam intra breve tempus postquam semel Hieremiae copias fugarat, nullo amplius resistente totam eam provinciam obtinuit; Soczaviam, quae est praecipuum ibi propugnaculum, deditione cepit, ad arcem Chocimensem in ipso confinio Poloniae ad Tyram flavium sitam Hieremia recedere coacto. (Chronica gestorum in Evropa singularium, a *Pavlo Piasccio*, episcopo Praemisliensi. Срасовіае, 1645. стр. 221).—Въ 1602 г. на молдавскомъ престолѣ нѣкоторое время былъ нѣкто Томза, съ которымъ мы еще встрѣтимся, говоря о Константинѣ Могилѣ.

⁷²⁾ Прилож. № XIX. 1, 4, 6 и 8.

несчастіѣе пошли дѣла Могилъ послѣ смерти Іереміи. Съ этого времени къ прочимъ бѣдствіямъ присоединяется вражда, возникшая между членами самой фамиліи Могилъ. Іеремія умеръ, оставивъ дѣтей своихъ малолѣтними. Престолъ Молдавіи занялъ его братъ Симеонъ. Но этимъ осталось очень недовольна господарша Елизавета, вдова Іереміи, желавшая видѣть воеводою одного изъ своихъ сыновей. По свидѣтельству лѣтописца *Мирона Костина*, она для осуществленія своего желанія рѣшилась на отчаянный поступокъ: *отравила своего деверя, воеводу Симеона*⁷³⁾. Послѣ смерти Симеона, господарскій престолъ Молдавіи сдѣлался предметомъ раздора между сыновьями Іереміи съ одной стороны, и сыновьями его брата Симеона—съ другой. У Іереміи было три сына: Константинъ, Александръ и Богданъ, а у Симеона—какъ нами уже замѣчено—пять: Михаилъ, Гаврилъ, Моисей, Іоаннъ и Петръ. Бояре и народоселеніе раздѣлились на двѣ партіи. Одни держали сторону дома Іереміи, другіе—Симеона. Сначала была сильнѣе партія Михаила, старшаго сына Си-

⁷³⁾ Cronicele Romanięi sѣu Letopistele Moldavięi și Valahiei... de Mihail Kogălniceanu. 2 изд. 1872 г., București. Letopisetul tereї Moldoviei...de Miron Costin. гл. IV, стр. 260.—Вотъ подлинныя слова объ этомъ лѣтописи Мирона Костина: „Онъ (Симеонъ воевода)—какъ идетъ разсказъ отъ одного человѣка къ другому—умеръ, будучи отравленъ господаршею, женою брата его воеводы Іереміи, желавшею захватить княжество, главнымъ образомъ, для своихъ сыновей и боявшеюся, чтобы сыновья Симеона воеводы, не утвердились на господарскомъ престолѣ. За этотъ поступокъ Богъ отплатилъ ниспосланными на нес страданіями.

меона; вслѣдствіе чего Константинъ воеводитчъ, старшій сынъ Іереміи, принужденъ былъ вмѣстѣ съ своими приверженцами бѣжать изъ Яссы. Михаилъ послалъ вслѣдъ за ними гонцевъ, которые, настигши ихъ при Милаешти, ограбили.—Но у дѣтей Іереміи было много родственниковъ между сильными польскими магнатами, которые, услышавъ о неудачѣ Константина, снарядили на помощь ему войско⁷⁴⁾ и выступили противъ Михаила. Сраженіе между двоюродными братьями произошло при селеніи Стефанештѣ и было для Михаила, часть войскъ котораго (именно турки) не приняло участія въ битвѣ, — не удачно.⁷⁵⁾—На молдавское воеводство вступилъ Константинъ. Народъ радовался этому событію, надѣясь, что новый воевода будетъ подражать въ дѣлахъ своему отцу. Но Константинъ не оправдалъ подобныхъ надеждъ. Онъ—по замѣчанію лѣтописца—доказалъ справедливость словъ Іисуса Сираха: *„Горе тому городу, въ которомъ царь молодъ;“* потому что пренебрегалъ своими обязанностями по отношенію къ султану, съ самаго начала княженія отказавшись отъ обычной дани ему⁷⁶⁾. Возведенный на престолъ при содѣйствіи польскихъ магнатовъ, Константинъ окружилъ себя поляками и всецѣло предался Польшѣ, ставя ея интересы на первомъ планѣ. Этимъ воспользовались враги Константина. Трансильванскій воевода Стефанъ Баторій,

⁷⁴⁾ *ibid.* 260. Въ числѣ лицъ, помогавшихъ Константину, были Вишневецкіе, Потоцкіе и Корецкіе.

⁷⁵⁾ *ibid.* 260.

⁷⁶⁾ *ibid.* 261.

преслѣдуя нѣкоторыя своекорыстныя цѣли, донесъ султану, что К. Могила не платитъ высокой Портѣ дани, отговариваясь неимѣніемъ денегъ, а между тѣмъ удѣляетъ часть государственныхъ доходовъ своему тестю, поляку Стефану Потоцкому ⁷⁷⁾. Султана это взорвало, и когда молодой воевода пренебрегъ предостереженіями Порты, она предоставила молдавское господарство нѣкому искателю приключеній Стефану Томзѣ ⁷⁸⁾, который, при поддержкѣ Кантемира Мурзы, вторгнулся съ турками въ Молдавію и заставилъ Константина бѣгствомъ спастись въ Хотинѣ ⁷⁹⁾. Константинъ Могила рѣшился было оружіемъ отстаивать свои права и, поддерживаемый родственными ему польскими магнатами, предпринялъ походъ противъ оттоманскихъ войскъ, но въ сраженіи былъ разбитъ на голову и взятъ въ плѣнъ ⁸⁰⁾.

⁷⁷⁾ Румынс. господарства *Палаузова*. стр. 105.

⁷⁸⁾ Пясецкій въ своей хроникѣ о Томзѣ выражается: *Incertum quo fuerit genere iste, nisi quod inter Hangaras pedites meruerit in Polonia* (стр. 335).

⁷⁹⁾ *Piasiecki*. *Chron.* стр. 335. *Pamiętniki do panow. Zygmunta III. Woycickiedo.* стр. 36.

⁸⁰⁾ *ibid.*— О Конст. Могилѣ и его отношеніяхъ къ Портѣ въ хроникѣ Пясецкаго говорится: *Constantinus aetate et consilio immaturus in brevi offenderat in multis vitio affinium, a quorum arbitrio summa regiminis totius Moldaviae pendebat, et meliora emulumenta, immo vectigalia quoque Turcae destinata in eorum usus derivabantur* (стр. 335).— Султанъ въ письмѣ своемъ къ польскому королю, писанномъ на другой годъ (1613) по сверженіи съ престола К. Могилы, такъ говоритъ о поступкахъ послѣдняго по отношенію къ Портѣ: *przeszły woiewoda...z boiarami naszymi, ludzmi zlemi, ktorzy mu złe radzili, ubogie poddane więzyl, mordował y ubožyl, przeciwko woli y roskazaniu naszemu najwyższemu. Dla czego miejsce iego inszemu dali, a on wyżey przerzeczony*

Правда, фамилія Могиль и послѣ этого не отказывалась отъ своихъ владѣльческихъ правъ на молдо-влахійскія земли и не теряла надежды снова занять въ нихъ господарскій престолъ, но усилившееся нерасположеніе къ сей фамиліи Порты дѣлало подобное желаніе трудно осуществимымъ.

Но если фамиліи Могиль перестало улыбаться счастье на родинѣ, то въ годину бѣдствій она нигдѣ не могла встрѣтить такого радушнаго привѣта и приѣма, какъ въ сосѣдственной Польшѣ.—Тѣсныя узы связывали Могиль съ этою странюю. Родъ Могиль всегда отличался особенною преданностію къ Польской Коронѣ и за это, въ свою очередь, пользовался большимъ расположеніемъ со стороны польскаго правительства, съ давнихъ временъ желавшаго подчинить своему вліянію молдо-влахійскія земли. Іеремія Могила, еще будучи маршалкомъ при молдавскомъ воеводѣ Петрѣ, «оказалъ не мало услугъ рѣчи Посполитой», за что въ 1593 году, *z osobliwszego ku polakom affektu*, получилъ отъ Сигизмунда III *индигенатъ*, т. е. привиллегію, сравни-

woiewoda, nam poddаннымъ бѣдачъ, z niektóryми боіарами swemi do krolewstwa polskiego ucieklъ tam mieszkał, y zaś znowu do tey że wołoskiej ziemie, chcąc ią osieść, wszedł był, ale za pomocą Bożą y za sprawiedliwymъ sądemъ Bożymъ nie wskazał y nie dokazał tego, czego chciał; owszemъ samъ z kilku боіаровъ dostał się w ręce. Ostatekъ боіаровъ do Semonowego сына Gawliela uciekli: Byczekъ Iwaneco, Weszkarъ Izelko, Burkulap, Wasielъ Woilicz, Peterł, Koczutel, Simon, Wesiar. . osmiaro człowieka do Polski uciekli... Далѣе султанъ требуетъ возвращенія на родину означенныхъ боіаръ, такъ какъ они „maią wielkie zbiory y bogactwa“.

(Рукон. Имп. Публ. Библ. Разнояз. IV in Q. № 8). — Справ. Поміетники до панования Зыгмунта III. *Wojcieckiego*. стр. 36—37.

вавшю его съ дворянами, рожденными въ Польшѣ ⁸¹⁾ За тѣмъ, когда поляки, пользуясь политическими неурядицами въ Молдавіи, рѣшились утвердить свое вліяніе въ этой странѣ, то канцлеръ Янъ Замойскій, вторгнувшись съ войскомъ въ молдо-влахійскія земли и нанеши поражение находившимся въ нихъ туркамъ, посадилъ на господарскій престолъ Молдавіи Іеремію Могилу ⁸²⁾. Послѣдній, принимая санъ

⁸¹⁾ Orbis Polon. Okolskiego. II. 229. Niesiec. Herbarz. VI. 449.— При этомъ фамилія Могиль получила отъ короннаго польскаго канцлера Яна Замойскаго позволеніе принять въ свой гербъ его фамильную эмблему (три крестообразно сложенные копы). „Добродѣйствъ Ясневельможнаго Яна Замойскаго,—писалъ П. Могила, посвящая изданный имъ въ 1631 г. *Триодионъ* одному изъ членовъ означенной фамиліи,—наипервѣй предкове и родичови мои въ тѣмъ дознали, егды подь часъ пріймованя индіенату въ Коронѣ королевства польскаго до своего клейноту приууститъ зезволилъ“.

⁸²⁾ Болѣе обстоятельный разсказъ объ этомъ можно найти въ жизнеописаніи канцлера Яна Замойскаго (*Życia sławnych polaków. t. II. Życie Jana Zamoyskiego, kanclerza u hetmana wiel. koronnego*). Здѣсь о вступленіи Іереміи Могилы на господарскій престолъ читаемъ: „Obywatele Wołoscy, obawiając się iarma Tureckiego, pod którym przez czas długi stękali, prosili Zamoyskiego, aby z ich ziomeków wybrał im, podług swojego zdania, woiewodę. Znaydowało się pod ten czas przy Zamoyskim dwóch wołoskich obywatelów: iedem Lukasz Stroicz, drugi Ieremiasz Mohiła, oba zacni w swym narodzie. Stroicz był podskarbim, a Mohiła marzałkiem u Piotra woiewody, który, z boiazni okrucienstwa tureckiego, porzucił panstwo i do kraiu cesarskiego schronił się; ci oba wołoszczanie, będąc ieszcze przy dworze Piotra woiewody, nie mało posług królowi czynili, przetoż za powszechną stanów zgodą, przywieliem szlachetstwa polskiego byli udorowani. Że zaś Mohiła nie tylko znaczym pokrzewenstwem, ale i dobr obszernością przewyszał Stroicza, przetorz za większey części wołoszanów żądaniem, był woiewodą od Zamoyskiego uczyniony, ztym iednak dokładem, aby sam króla o tę prowincją, iako hołdaiącą polakom, uproszał. Uczynił to Mohiła, i przysięgą wierności przed królem wykonał. (стр. 192).

воеводы, далъ Сигизмунду III письменное обѣщаніе сохранять вѣрность и послушаніе по отношенію къ Польшѣ и даже, если король согласится, подчинить ей Молдавію въ качествѣ провинціи⁸³). Іеремія честно исполнялъ данное обѣщаніе. Во все время своего господствованія, его любовь и расположеніе къ Польской Коронѣ простиралась до того, что онъ главное начальство надъ своими войсками, всегда довѣрялъ однимъ только полякамъ⁸⁴). Польша не могла не цѣнить такого человѣка и, въ свою очередь, согласно данному Іереміи обѣщанію, содѣйствовала утверженію не только его личныхъ правъ на молдавское господарство, но и правъ его потомства

⁸³) *Oswiadczenie czyli prysięga Ieremiego Mohiły, woewody Multańskiego na wierność królowi polskiemu, 1595 г. (Zbior pamiętnikow o dawney Polsce, Niemciewicza. Warszawa. 1822. IV. 147—148).* Спусти два года послѣ присяги Іереміи (въ 1597 г.) Сигизмундъ III выдалъ ему грамоту (помѣщ. на латинскомъ языкѣ у Окольскаго въ *Orb. polon.*, т. II-мъ), гдѣ, указавши на фактъ возведенія Іереміи на воеводство при помощи польскаго войска, говоритъ: „означенный Могла будетъ имѣть воеводство Молдавіи и удержитъ его до конца дней, а послѣ его смерти мы возведемъ дѣтей его мужескаго пола въ тоже достоинство. Самая провинція Молдавія со всѣми землями, ей принадлежащими, должна оставаться въ тѣхъ же границахъ и управляться прежними законами. Доходы этой провинціи распредѣляются и взыскиваются воеводою и должны быть употребляемы на общественныя нужды, на сохраненіе спокойствія и безопасности страны. Исповѣданіе греческой религіи должно быть свободнымъ и неприкосновеннымъ. Мы уступаемъ также (воеводѣ) и право чеканить монету, которая должна быть одной пробы и величины съ польскою, дабы свободно могла обращаться въ Польшѣ и другихъ земляхъ, намъ подвластныхъ. Мы же позаботимся, чтобы означенная провинція не была тревожима врагами, но наслаждалась миромъ и спокойствіемъ“... и проч.

⁸⁴) *Herbarz Niesieckiego. III. 449.*

и его ближайшихъ родственниковъ. Такъ, когда въ 1599 году валахскій воевода Михаилъ Храбрый вторгнулся съ многочисленнымъ войскомъ въ Молдавію и, одержавши подъ Сучавою побѣду надъ Іереміею Могилою, овладѣлъ управляемою имъ странкою,— Польша выставила сильные отряды на помощь Могила и, послѣ пораженія Михаила, возвратила Молдавію Іереміи и небезуспѣшно просила Порту о предоставленіи господарства валахскаго его брату Симеону⁸⁵⁾. Съ подобными же просьбами въ инте-

⁸⁵⁾ *Piasiecki. Chronica, 206—207. Heydenszteyn. Życie Zamojskiego. стр. 283 и слѣд. Naruszewicza. Historia Chodkiewicza. Warszawa. 1805. I. 37—38.* Въ письмѣ къ польскому королю, отъ ноября 1600 года, турецкій султанъ сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о пораженіи Михаила, принисывая оное, между прочимъ, мужеству и находчивости своихъ войскъ. Такъ какъ въ означенномъ письмѣ, при разсказѣ о Михаилѣ, находятся подробности, не встрѣчающіяся въ польскихъ (печатныхъ) источникахъ,—то мы считаемъ не лишнимъ отмѣтить ихъ здѣсь: *Gdy Michał—pisałъ sułtanъ—niecnotą, zdraycą, nieprzyjacielem y przeciwnikiem się naszym stał, za pisaniem listu naszego naiwyższego, część wojska naszego z kanclerzem do Wołoskiej ziemie na pomoc Ieremiasza wiewody wołoskiego, zrozumiawszy niedostatek iego y potrzebę pieniędzy na żołnierze, posłaliście. Iakoż y my też za oznamieniem y prośbę tegoż przerzeczonego Ieremisza, chcąc aby co prędy odpor dał nieprzyjacielowi, posłaliśmy mu z skarbu naszego nieprzebranego cztery wozy złotych. A mimo tego wezyrowi naszemu, Hetmanowi głównemu niezwyciężnego wojska naszego, Machmut Baszy (ktorego niech Bóg błogosławi y przymnaża szczęścia) roskazaliśmy, aby brzegi y przewozy dobre opatrzywszy y obworowawszy Beglerbegami, Sędziakbegami y Rycerstwem wojska naszego niezwyciężonego, pod roskazaniem y władzą iego będącymi, kanclerzowi y Ieremiaszowi, woiewodzie wołoskiemu, na pomoc przybywał, nie omiezkivaiąc ani czasu, ani pogody, gdyby kolwiek potrzeba przypadła, tak żeby się mógł dać z kaźdey miary odpor wyszwysz mianowanemu zdraycy y nieprzyjacielowi naszemu Michałowi, y tak żeby się była mogła wyważyć z rąk y władzy iego*

ресахъ фамилиі Могиль, Польша не разъ обрацалась къ турецкому правительству и въ послѣдующее время. Такъ въ инструкціи, данной въ 1607 г. польскимъ правительствомъ своему послу къ турецкому султану, между прочимъ, находится слѣдующій пунктъ о Симеонѣ Могиль, вслѣдствіе обычныхъ смуть въ молдо-влахійскихъ земляхъ лишившемся воложскаго воеводства: „Ma też o to poseł nasz snynić *pilnie staranie*, aby Siemion, ktoremu pra-

nie tylko Wołoska, ale y Multanska ziemia. Iakoż pewnie wzwysz mianowany Wezyr nasz (ktorego Boże błogosław) wszystko, podług najwyższego rozkazania y woli naszej, uczynił. Bo naprzod na brzegi Multanskie przez Dunaj w galerach się przeprawiwszy, zamek Sergiog... opanował, opatrzył y umocnił. A potem, Beglerbega naszego, człeka wielkiego y zacnego (ktoremu niech Bóg błogosławi, y czci y powagi przymnoża)..... z częścią woyska naszego do Bukieresztu y Torgowicza posłał, który w powiecie Krolik nazwanego, napadł na część woyska zdrajce Michala, nad którym był starszym nieiaki pan Gałota, ktorego glowa iest ucięta, y iego pomocnicy od szabli pogineli Wszyscy: proporce, chorągwie, trąby y surmy są pobrano. a nasz Beglerbeg z radością y triumphem zwycięstwo odniósł z nieprzyjaciela. Z drugiey zaś strony kanclerz z Ieremiaszem woiewodą tusz nad Michałowym taborem, nie dając zdrajcy odpoczynku y z oczu go nie spuszczał, pilnie szli za nim, który, nie mając serca, ani sił, nie chcąc się potykać, ani bitwy stracić, y owszem placu nie dostawszy, zdradliwie uciekł, za czym y woysko y kozactwo pułkami y poczty po różnych miejscach y lesiech rozbiegło y rosproszyło, a niektorzy z nich są pobici, a drudzy poimani. Tak ich iusz y Multanska y Wołoska ziemia uspokoiena ... O czym wszystkim mamy wiadomość od Ieremiasza woiewody, który isz nam caley, stateczney y nieodmianey wiary y poddanstwa dochował, służąc nam wiernie przez ten czas wszystek,—zdało się nam za rzecz przystoinal, abyśmy też za tą czesnością i wiarą iego państwo y woiewodstwo Multanskie bratu iego Semionowi dać...., posławszy mu, podług starego zwyczaju, chorągiew z cuiją albo czapkę y insze zwykłe ozdoby. Ktemu rozkazaliśmy temuż przerzeczonemu hetmanowi naszemu, aby za

wo zdawna stuży y do woiewodstwa Multanskiego, gdy się okazała poda, do tego woiewodstwa był przywrocony y przy nim w pokoju do żywota zachowany. Co iednak poseł nasz tak skricie ma traktować, żeby iakokolwiek Siemiona postrzedz ⁸⁶). Подобныя же просьбы польское правительство посылало турецкому двору и относительно сына Іереміи (послѣ его смерти) Константина Могилы ⁸⁷), а также и другихъ членовъ изъ сей фамиліи ⁸⁸). Въ памятникахъ того времени

każdym przypadkiem y potrzebą tego Semiona woiewodę od każdego nieprzyjaciela bronił. (*Acta concellariatus ab. an. 1532. usque ad. 1611.* Рукон. Имп. Публ. библ. Разнояз. II. in fol. № 11. лис. 175—176).—Іеремія Могила въ письмѣ (отъ 1 сентября 1601 г.) ко Льву Сапѣгѣ о погибели своего противника говорить слѣдующее: Michał woewoda pewnie iusz zginał dnia 19 augusta pod Tordą, którego Dziurdzi Basza sam kazał zabić, pierwey go postrzelono, potym głowie ucięto, a ciało iego na zdechłym koniu w polu położono, i nie kazał go Dziurdzi Basza grześć. (*Życia Sapiehow.* Wilno, 1790. I. 249).

⁸⁶) Instructia do Turek P. *Daniłowiczowi*, oboznemu koronnemu дана an. 1607.—(Рукон. Имп. Публ. Библ. *Разнояз.*, in fol., IV. № 119).

⁸⁷) Въ письмѣ польскаго короля, посланномъ въ 1612 г. турецкому султану, между прочимъ, заключалась просьба, чтобы онъ „Constantinum, Hieremieae Palatini Moldaviae filium, ob nostram (т. е. польскаго короля) interessionem paterni principatus constituerit. Cum enim patrem ipsius eo nomine potissimum ad eam dignitatem promoverimus, et contra omnes ejus inimicos armis et exercitibus nostris protexerimus, quod is mutuae inter nos et Ser. Vestrae parentem amititia conservandae esset studiotissimus, merito et filio ejus hunc quoque favorem praestitimus, quod paternae virtutis aemulatione in conservanda inter ditiones nostras amititia operam omnem cum adhibiturum nobis persvadeamus. (Рукон. Имп. Публ. Библ. *Разнояз.* II. in fol. № 11).

⁸⁸) Въ инструкціи, данной въ 1616 г. Григорію Кохановскому, отправляемому посломъ въ Турцію, между прочимъ, говорится: „Poki stawało krwi starożytnych Hospodarow wołoskich, Јасна była z nimi

можно найти много и другихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о пріязненныхъ отношеніяхъ польскаго правительства къ фамиліи Могиль⁸⁹⁾. Но кромѣ этихъ отношеній, были еще другія не менѣе крѣпкія узы, связывавшія означенную фамилію съ Польскою Короною. Это узы родства.

У Иереміи Могилы было четыре дочери,—и всѣ онѣ были выданы въ Польшу за туземныхъ аристократовъ: *Резина* за князя Михаила Вишневецкаго, бывшаго овруцкимъ старостою; *Марія*—за Стефана Потоцкаго, брацлавскаго воеводу⁹⁰⁾; *Катерина*—за князя Самуила Корецкаго; *Анна*—въ первый разъ за Максимилиана Пжерембскаго, ленчинскаго воеводу, а потомъ въ слѣдующія три супружества была за Яномъ Чарнковскимъ, ленчинскимъ каштеляномъ, Владиславомъ Мышковскимъ, краковскимъ воеводою и наконецъ за короннымъ гетманомъ Станиславомъ Потоцкимъ⁹¹⁾.

И пріязненныя отношенія польскаго правительства къ Могиламъ, и родственныя ихъ связи съ

sprawa. Ale y dom Mohiłow zasłużył to cnotą y wiarą nieodmienna, że my przeciwko społnym naszym y Cesarza Tureckiego nieprzyiaciełom przez woyska y Hétmany nasze broniliśmy ich, y Cesarz Turecki, że potomstwo na gospodarstwie zostawać ich miało, dał przywieley swoi. *Może być z domu tego kto sposobny do sprawowania tego państwa y teraz.*“ (Рукоп. Имп. Публ. Библи. Разн. in fol. II № 11. лис. 261).

⁸⁹⁾ Лѣтоп. львов. брате. подъ разными гг. Piśma Stanisława Żółkiewskiego, wyd. A. Bielowskiego. Lwów. 1861. стр. 413—414.

⁹⁰⁾ Послѣ смерти Потоцкаго Марія вступила во второй бракъ съ Николаемъ Фирлеемъ.

⁹¹⁾ Herbarz *Niesieckiego*. VI. 449 — 450. Encykl. Powszechna. XVIII. 746.

польскою аристократією, дѣлали Польшу для этой фамилии какъ бы вторымъ отечествомъ. Неудивительно поэтому, что Польская Корона, по преимуществу, была мѣстомъ пріюта для тѣхъ членовъ изъ рода Могиль, которымъ почему либо не случилось на родинѣ. Такъ, когда Константинъ Могила былъ свергнутъ турецкимъ дворомъ съ престола Молдавіи и попытка его возвратить княжескую власть кончилась — какъ мы видѣли — неудачно, — онъ (по вторичномъ возвращеніи изъ турецкаго плѣна) отправляется въ Польшу, покупаетъ въ Подоліи имѣніе Усце (Uście) и до самой смерти живетъ въ немъ со своею старшею сестрою⁹²⁾. Такъ же точно поступилъ въ послѣдствіи и братъ Петра Могилы, Моисей, потерпѣвшій большія неудачи на родинѣ⁹³⁾. Жилъ также нѣкоторое время въ Польшѣ и другой братъ нашего митрополита Гавриилъ⁹⁴⁾. Безъ сомнѣнія, неудачи, постигшія домъ отца въ молдавлахійскихъ земляхъ, побудили поселиться въ Польшѣ и самага Петра Могилу... Въ самомъ дѣлѣ, чего онъ могъ ожидать на родинѣ?... Отецъ его былъ свергнутъ съ господарскаго престола Валахіи и уже умеръ; дяди тоже не было въ живыхъ; попытки родныхъ братьевъ упрочить за собою княжескую власть кончились безуспѣшно, а двоюродные братья смотрѣли на домъ его отца недружелюбно и притомъ сами терпѣли неудачи. При такихъ об-

⁹²⁾ Herbarz *Niesieckiego*. VI. 450. Encykl. Powsz. XVIII. 746.

⁹³⁾ Herb. *Hiesieckiego*. VI. 450.

⁹⁴⁾ Письмо тур. султана къ польскому королю, отъ 1613 г. (*Рукоп. Импер. Публ. Библ. Разнолз.* IV. in Q. № 8).

обстоятельствахъ нашему митрополиту оставаться въ молдо-влахійскихъ земляхъ не было возможности. Нужно было искать другое пристанище. Естественно, что взоры П. Могила обратились къ Польской Коронѣ. Правда, въ Польшѣ отъ своихъ роственниковъ-магнатовъ П. Могила большой поддержки ожидать не могъ, потому что родство это, благодаря указаннымъ недружественнымъ отношеніямъ его двоюродныхъ братьевъ, *ближайшихъ* родственниковъ польской аристократіи, для него теряло почти всякое значеніе. Но кромѣ родственниковъ у отца П. Могила, нѣкоторое время жившаго въ Польшѣ⁹⁵⁾, не мало было хорошихъ знакомыхъ и близкихъ пріятелей, которые съ радостію могли принять подъ свой кровъ (какъ это на самомъ дѣлѣ и случилось) сына своего старого друга.

Кромѣ краткаго извѣстія объ участіи въ Хотинской битвѣ, біографы П. Могила ни единымъ словомъ не упоминаютъ объ его жизни въ Польшѣ до самаго поступленія на кіево-печерскую архимандрію, указывая на полное отсутствіе свѣдѣній о нашемъ митрополитѣ за это время въ современныхъ ему памятникахъ. Но біографы при этомъ упускаютъ изъ вида одно драгоцѣнное указаніе въ старопечатной книгѣ (ниже нами цитуемой), ко-

⁹⁵⁾ Симеонъ Могила, вмѣстѣ съ братомъ Іеремією, жилъ нѣкоторое время въ Польшѣ послѣ того, какъ воевода Петръ Хромой, отказавшись отъ дани турецкому султану, оставилъ господарство и отправился въ Австрію. (*Chronicale Romaniei... Domnie tereî Moldavei si viata lorî de Grigorie Ureche.* гл. XXX., стр. 238).

торое, будучи сопоставлено съ нѣкоторыми другими свѣдѣніями (хотя и отрывочными) о П. Могилѣ, — проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ малоизвѣстный періодъ въ его жизни.

Нужно замѣтить, что въ Польшѣ и литовско-русскихъ областяхъ было въ обычаѣ, что молодые люди, по окончаніи научнаго образованія, поступали для обученія *рыцарскому* искусству и *шляхетнымъ* приемамъ во дворъ какого либо знатнаго пана и проводили здѣсь нѣсколько лѣтъ. Большею частію случалось, что сами отцы отдавали своихъ дѣтей для такой науки къ магнатамъ ⁹⁶⁾; но иногда поступали ко дворамъ аристократовъ и *сироты*. Въ послѣднемъ случаѣ магнаты принимали на себя обязанности *опекуновъ*, *покровителей* и *защитниковъ* молодыхъ людей, становясь для нихъ какъ бы вторыми отцами. — Есть извѣстіе, что такимъ именно опекуномъ былъ въ Польшѣ для П. Могилы *Станиславъ Жолкѣвскій*, коронный канцлеръ и гетманъ ⁹⁷⁾. Извѣстіе это подтверждается, до извѣстной степени, какъ собственноручными записками Петра Могилы, гдѣ есть указаніе на близость послѣдняго къ *Жолкѣвскому* ⁹⁸⁾, такъ и тѣмъ об-

⁹⁶⁾ Археогр. Сбор. докум. Сѣверо-Зап. Руси. т. VII. № 61.

⁹⁷⁾ Commentariorum Chotinensis belli libri tres, auctore *Iacobo Sobieski*... Dantisci. 1645 г., стр. 32. Здѣсь *Жолкѣвскій* называется *особеннымъ опекуномъ* (*singularis patronus*) П. Могилы, сиротствующаго по смерти своего отца († 1608).

⁹⁸⁾ Занося въ свои записки рассказы о разныхъ событіяхъ, П. Могила заявляетъ, что нѣкоторые изъ нихъ сообщены ему *Жолкѣвскимъ*. Такъ, напр., въ оглавленіи къ запискамъ говорится: „О московскомъ патріархѣ, *сже повѣда Жолкѣвскій*.“

стоятельствомъ что нашъ митрополитъ, еще будучи въ свѣтскомъ званіи, пріобрѣлъ нѣсколько имѣній въ бѣльскомъ воеводствѣ, не далеко отъ Жолквы, резиденціи короннаго канцлера⁹⁹⁾.

Но что же за человекъ былъ опекунъ П. Могилы? Канцлеръ Станиславъ Жолкѣвскій принадлежалъ къ замѣчательнымъ людямъ своего времени¹⁰⁰⁾. Съ молодыхъ лѣтъ „отдавши себя для услугъ Рѣчи Посполитой“, онъ служилъ ей вѣрою и правдою, съ полнымъ безкорыстіемъ и самоотверженіемъ. Его неутомимость въ походахъ, образцовая распорядительность при управленіи войсками, выдающаяся храбрость въ сраженіяхъ, — хорошо были извѣстны польскому правительству, часто поручавшему Жолкѣвскому главное начальство надъ арміею; а глубокая религіозность, справедливость, отвращеніе отъ всякихъ окольныхъ путей, вообще честный, открытый характеръ, не терпящій ласкательства и заискиваній, — замѣтно выдвигали канцлера изъ ряда современниковъ, въ большинствѣ случаевъ далеко не обладавшихъ такими прекрасными качествами. Примѣрнымъ человекомъ былъ Жолкѣвскій и въ семейной жизни. Его нисѣма къ женѣ служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ горячей супружеской привязанности, сохраненной имъ до конца жизни¹⁰¹⁾, а духовное завѣщаніе—

⁹⁹⁾ Памятн., изд. кiev. комис. II. 175.

¹⁰⁰⁾ Довольно обстоятельная біографія С. Жолкѣвскаго составлена А. Бѣльскимъ и помѣщена въ началѣ изданныхъ имъ писемъ канцлера. (Pisma S. Żółkiewskiego).

¹⁰¹⁾ Pisma Żółkiewskiego, стр. 381.

прекраснымъ памятникомъ заботливости о воспитаніи дѣтей. Такъ какъ для нашей цѣли наиболѣе интересно ознакомиться со взглядами канцлера на воспитаніе, — то мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь мѣсто изъ духовнаго завѣщанія, касающееся этого предмета, по возможности, въ полномъ видѣ. „Не отрывай—говоритъ Жолкѣвскій, обращаясь къ женѣ—сына отъ науки... Въ Замостьѣ начато хорошее обученіе шляхетскихъ дѣтей, и я желаю, чтобы сынъ мой получилъ образованіе здѣсь, въ Польшѣ, а не въ чужой странѣ; такъ какъ извѣстно, что большое число молодыхъ людей отправляется въ чужіе края съ цѣлю окончательнаго образованія, но почти всѣ они усвояютъ наиболѣе злыя, чѣмъ добрые обычаи; рѣдкій пріѣзжаетъ съ чѣмъ либо добрымъ. Поэтому, пусть сынъ учится—какъ уже и началъ—съ паномъ Томашемъ. Но если бы, по совѣту ихъ милостей пановъ опекуновъ, ты склонилась къ тому, чтобы послать сына въ чужую страну,—знай, что большая часть или даже почти все воспитаніе дѣтей зависитъ отъ инспектора (надзирателя). Кто какого хочетъ имѣть сына, такого пусть и даетъ ему надзирателя. Нужно для этой цѣли выбирать человѣка добродѣтельнаго, богобоязненнаго, разсудительнаго; при этомъ я желаю, чтобы онъ былъ человѣкъ *рыцарскій*. Старайся, чтобы при сынѣ нашемъ былъ надзирателемъ такой именно человѣкъ... Не приказывай сыну быть гордымъ и надмѣннымъ: по опыту знаешь, какъ это не хорошо. Когда онъ возмужаетъ, то пусть служить или при дворѣ ко-

роля его милости, или пусть вступить въ военное званіе, еели будетъ къ тому способенъ. Не дозволяй ему проводить молодые лѣта дома... Домашнее проживаніе порождаетъ лѣность, а послѣдняя есть корень всего злаго"... Обращаясь затѣмъ къ сыну, Жолкѣвскій говоритъ: „Къ тебѣ моя рѣчь, Янъ, сынъ мой наимилѣйшій... Теперь ты еще очень молодъ, поэтому мало поймешь мои слова и наставленія; но, возрастая, чаще читай мое завѣщаніе и постоянно имѣй его въ мысляхъ. Предпочтительнѣе предъ всѣмъ и первѣе всего держи твердо и неизмѣнно святу ю христіанскую, католическую вѣру; для нея не жалѣй пролить свою кровь, лишиться жизни. Всегда имѣй передъ очами страхъ Божій—и можешь быть увѣренъ во всемъ добромъ и отрадномъ для себя, какъ въ этомъ, такъ и въ будущемъ вѣкѣ. Не оставляю я тебѣ богатой собственности и большихъ имѣній, хотя за свои услуги отечеству, сопряженные съ опасностію жизни, и имѣлъ немалый доходъ. Все я обращалъ на помощь Рѣчи Посполитой; для этого продалъ даже часть маентности, оставленной мнѣ отцомъ. Впрочемъ, я не жалѣю объ этомъ: не посредствомъ мотовства я расточилъ имѣніе; при томъ же я увѣренъ, что все это не пропадетъ даромъ для меня и тебя; ибо вѣрно и несомнѣнно, что Богъ наградитъ того, кто съ добрымъ намѣреніемъ и любовію служитъ Рѣчи Посполитей... Когда ты будешь поступать такъ, какъ я тебя учу,—благословеніе Божіе да почиваетъ на тобою. Вѣрно служи польскому королю, пану своему, и Рѣчи Посполитой; для достоинства и славы ихъ

не жалѣй своего здоровья и крови. Въ молодые свои лѣта занимайся науками и не позволяй никому отклонять себя отъ этого. Вѣрь мнѣ, что наука служить великою подпорою и помощію до всякаго достоинства, до службы Рѣчи Посполитой, до благопристойной жизни. Не говори—подобно многимъ,— не имѣю охоты до ученія; въ твоей власти эта охота; каждый желающій можетъ ее имѣть. Непремѣнно читай историковъ. Я самъ не мало былъ знакомъ съ исторіею и при отправленіи общественныхъ дѣлъ мнѣ весьма много помогало знаніе дѣяній вѣковъ прошедшихъ. Когда будешь вступать въ мужескій возрастъ, припомни, что рыцарское образованіе есть наипристойнѣйшее для шляхтича; займись имъ и всячески бѣгай праздности. . Во время сраженія всегда находишься впереди, старайся обнаружить шляхетское мужество, достигнуть почетной славы; въ толпѣ не будутъ тебя знать,—затеряешься въ числѣ множества другихъ. Помни, что безъ воли Божіей и волосъ съ головы человѣка не спадеть. Когда съ добрыми намѣреніями будешь служить Рѣчи Посполитой и дѣлать для нее все доброе,—пріобрѣтешь почтенное имя и почіеть на тебѣ благословеніе Божіе. Если при этомъ лишишься и жизни, не можешь считать сего поражениемъ; потому что даже язычники думали: *пріятна смерть за отчизну*¹⁰²⁾.

Таковъ былъ канцлеръ Станиславъ Жолкѣвскій и таковы были его взгляды относительно воспи-

¹⁰²⁾ Piśma Żółkiewskiego, стр. 171—175.

танія юношества. Руководительство челоуѣка съ подобнымъ направленіемъ и образомъ мыслей не могло не быть благотворнымъ. Слѣдовательно выборъ Могилою Жолкѣвскаго своимъ опекуномъ должно считать вполне удачнымъ. Впрочемъ, какъ можно думать, опекунство канцлера надъ нашимъ митрополитомъ было непродолжительно.

Въ памятникахъ того времени нѣтъ указанія, когда П. Могила поселился въ Польской Коронѣ. Но принимая во вниманіе, что это событіе случилось уже послѣ окончанія Могилою своего образованія въ заграничныхъ университетахъ,—мы едва ли можемъ отодвигать оное ко времени ранѣе 1617 г. (слѣд. когда нашему митрополиту было около двадцати лѣтъ). . Но черезъ три года послѣ этого Жолкѣвскаго не было уже въ живыхъ. Онъ умеръ славною смертію героя, сраженный турецкою саблею въ битвѣ подъ Цецорою, гдѣ предводительствуемое имъ польское войско, окруженное въ десятеро сильнѣйшимъ неприятелемъ, было разбито на голову.—Трудно рѣшить, принималъ ли участіе въ этомъ сраженіи Петръ Могила. Какъ въ поднесенныхъ ему панегирикахъ и книгахъ, такъ и въ описаніяхъ Цецорскаго похода, объ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія. Впрочемъ, на основаніи такого молчанія объ участіи П. Могилы въ означеномъ походѣ, отвергать оное нельзя. Панегиристы въ ласкательныхъ виршахъ митрополиту, восхваляя его мужество, обнаруженное въ славной для поляковъ Хотинской битвѣ, естественно должны были умалчивать одругой несчастной экспедиціи (Цецорской), хотябы

въ ней и участвовалъ Могила. Что же касается до описаній Цецорскаго похода, то онѣ чрезвычайно кратки и заносятъ на свои страницы имена только главныхъ предводителей войска, въ числѣ которыхъ разумѣется, не могъ быть двадцати-трехъ-лѣтній Могила ¹⁰³). Съ другой стороны, если мы примемъ во вниманіе, что П. Могила былъ въ опекуновѣ у Жолкѣвскаго и обучался при его дворѣ рыцарскому искусству,—а такія лица считали дѣломъ чести не оставлять своихъ патроновъ въ трудное военное время,—что экспедиція Цецорская была противъ турокъ и въ защиту горячо любимой Могилою его родины, что, наконецъ, во время хотинскаго похода (который имѣлъ ту же цѣль, какую и цецорскій) напѣ митрополитъ—какъ сей часъ увидимъ—употреблялъ всѣ усилія къ возбужденію военнаго духа въ арміи и къ продолженію военныхъ дѣйствій,—принимая во вниманіе все это, мы скорѣе склоняемся къ предположенію, что Могила принималъ участіе въ цецорской битвѣ и принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ счастливицевъ, которымъ удалось избѣжать турецкихъ пуль и неволи.

Мы сказали, что всѣ біографы Могила говорятъ объ его участіи въ Хотинской битвѣ. Въ упомяну-

¹⁰³) Изъ описаній цецорской экспедиціи извѣстны: „Relacya prawdziwa o wejściu wojska polskiego do Wołoch i o potrzebie iego z pogaństwem w roku 1620 we wrześniu i październiku, przez *Teofila Szembęrga*, sekretarza króla J. meі, który w potrzebie tey obecnie był i odwagą zdrowia oyczyznie służył, spisana. (Помѣщ. въ *Przyjacielu ludu* за 1842 и *Pismach Żółkiewskiego*, стр. 568—583) и *Dziennik wyprawy Cecorskiej*,” находящійся въ Публичной Познанской бібліотекѣ (мало чѣмъ отличается отъ реляціи *Шемберга*).

той нами старопечатной книгѣ (памят. войны хотинской) есть — хотя и очень краткое — указаніе на то, въ чемъ именно, въ особенности, проявлялось это участіе. Здѣсь говорится, что П. Могила, осиротѣвши послѣ смерти своего опекуна Жолкѣвскаго, возложилъ всю надежду на расположеннаго къ нему Хоткевича, предводителя польской арміи въ хотинскомъ походѣ, — и въ то время, когда въ войскѣ обнаружилось нѣкоторое недовѣріе къ молдаванамъ, вслѣдствіе чего польскіе военачальники поступали съ ними довольно безцеремонно, — Могила употреблялъ все усилія къ тому, чтобы убѣдить поляковъ *въ полной расположенности жителей Молдо-Влахіи къ Польшѣ*¹⁰⁴).

Послѣ извѣстія объ участіи П. Могилы въ хотинской битвѣ, біографическія свѣдѣнія о немъ до посвященія въ санъ кіево-печерскаго архимандрита становятся еще рѣже, еще отрывочнѣе. На основаніи ихъ можно вывести только одно довольно вѣрное предположеніе; именно, что послѣ смерти своего опекуна С. Жолкѣвскаго Могила задумалъ переселиться изъ бѣльскаго воеводства и въ этихъ видахъ обращаетъ свое вниманіе на кіевскую об-

¹⁰⁴) *Malè ista excursio habebat Chodkievicium (разумѣется захватъ у молдаванъ добычи отрядомъ Липницкаго); clementia enim potius, quam rapinà Republicae suae Christianam provinciam devincire studebat, de cuius fide, et in Polonos optimâ voluntate multa ei pollicebatur Petrus, Simonis Mohilae, Valachiae quondam Palatini, filius, qui exul et profugus, ac Zolkievio singulari Patrono orbatas, dum in clientelam Chodkievicii se, suasque omnes spes tradidisset, consuetudine ejus familiaris utebatur.* (Comment. Chotinensis libri tres, стр. 32).

ласть. Онъ часто начинаетъ посѣщать Кіевъ ¹⁰⁵⁾, гдѣ въ то время митрополичью кафедру занималъ его другъ, а можетъ быть и наставникъ, Іовъ Борецкій, и приобрѣтаетъ въ окрестностяхъ этого города помѣстья ¹⁰⁶⁾. Частыя сношенія съ Борецкимъ не остаются безъ вліянія на религіозныя возрѣнія Могилы, начавшаго принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ вѣры. Это участіе вскорѣ достигаетъ громадныхъ размѣровъ вслѣдствіе послѣдовавшей за тѣмъ существенной перемѣны въ судьбѣ молдавскаго воеводича. Разумѣемъ поступленіе его на кіево-печерскую архимандрію.

¹⁰⁵⁾ Изъ собственноручныхъ записокъ П. Могилы видно, что онъ былъ въ Кіевѣ „w sredpościu tego roku, którego Sagaydaczny umarł“ (т. е. въ 1622), а за тѣмъ на праздники Успенія Богородицы 1624, 1625, 1626 и 1627 гг.

¹⁰⁶⁾ Такъ въ это время въ кіев. воеводствѣ Могилу приобрѣтено было помѣстье *Рубежовка* (собств. зап.).